

ИЗ А М А З З Е И

● мемуары

18+

откровенная
история
вебкам-
модели

CAMGIRL

Иза Маззеи
Camgirl. Откровенная
история вебкам-модели
Серия «Naked Story. Истории,
рассказанные шепотом»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64956337

Camgirl. Откровенная история вебкам-модели: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-121269-8

Аннотация

Еще школьницей Иза любила, когда на нее смотрят, любила соблазнять и чувствовать себя желанной, иметь власть над мужчинами. Но секс ей не нравился никогда...

Попробовав себя в разных профессиях, но так и не полюбив ни одну из них, она случайно узнала о вебкам-чатах и поняла: это именно то, что она искала. Иза начала раздеваться в прямом эфире, танцевать, мастурбировать, играть на камеру. Через месяц работы она собрала сотни ночных поклонников, которые доверяли ей свои секреты и щедро платили за ее перформансы, а через год вошла в топ-50 самых популярных моделей сайта. Но, несмотря на успех, к которому она так стремилась, Иза

чувствовала лишь пустоту. Что она искала на самом деле? От чего хотела спрятаться? Что пыталась забыть?

«Camgirl» – это откровенные мемуары о противостоянии травмам прошлого и принятии себя такими, какие мы есть. Маззеи мастерски исследует яркий мир цифровой жизни по обе стороны камеры, сексуальность и борьбу нашего частного и публичного «я». Эта книга перевернет ваши представления о сексе и секс-работе.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Комнаты в огне[2]	9
Глава 2. Девочки преследуют мальчиков[5]	30
Глава 3. Большинство девушек[9]	65
Глава 4. Мужчина на миллион долларов[11]	85
Глава 5. Скажи мое имя[16]	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Иза Маззеи

Camgirl. Откровенная история вебкам-модели

Всем моим друзьям: Онлайн и в реале

CAMGIRL Isa Mazzei

Copyright © Isa Mazzei, 2019. This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

БОМБОРА™

Москва 2021

Осторожно, триггеры: алкоголизм, психические заболевания, самоубийство, членовредительство, сексуальное насилие

Пролог

Таймер обратного отсчета вот-вот должен был достичь нуля. Мое слишком ярко освещенное, вызывающе накрашенное лицо моргнуло на глазах у тысяч зрителей моего видеострима. Гигантский стационарный компьютер стоял на ковре, а я перед ним на коленях. Справа от меня был бокал вина, слева – Библия. Я блюла трезвость почти два года, но сейчас была пьяна. Позади меня с лубочной картинки, заключенной в рамку, ослепительно улыбался Иисус. Свое красное одеяние он распахнул на груди, являя зрителю сердце, оплетенное терниями.

Я была обнажена. Ягодицы саднило от синяков и ожогов. Это был он – мой момент, великая художественная декларация. Интернет будет бросать мне чаевые за то, чтобы я убила себя. На самом деле умирать я не собиралась, но фишка не в этом. Они будут думать, что убивают меня. Но на самом деле убивать они будут Уну, мою онлайн-маску. Когда она умрет, Иза возродится.

За последние два года я заполучила в свой актив тысячи зрителей, тысячи подписчиков и сотни тысяч долларов. Я входила в топ-пятьдесят камгерлз на сайте, где работали десятки тысяч исполнительниц. Я получала все, чего хотела, раньше, чем понимала, что хочу этого: новенькую квартиру, два автомобиля *BMW*, сколько угодно свежайших устриц и

личную маникюршу, которая приезжала на дом.

Днем того дня я приняла обжигающе горячий душ. Сделала эпиляцию воском, поработала пинцетом и сняла ороговевшие слои кожи, пока она не начала гореть огнем. Составила на стеллаж у стены свечи: чайные, длинные, дешевые свечки из отдела распродаж *Target*¹, аромат которых рождал отдаленное воспоминание о Рождестве. Все лампочки в комнате светились красным. Повинуясь импульсу, я намалевала во всю стену надпись «СОВЕРШИ» красной губной помадой.

Это было мелодраматично. Лакомо. Сексуально.

Это шоу было отчасти предсмертной запиской, отчасти реквиемом по Уне, девушке, которую мои зрители узнали и полюбили.

Мои зрители были охвачены любопытством, нетерпением. Они засыпали чат вопросами. Теперь, когда я обнажилась, что дальше? Буду лить на тело расплавленный воск? Совать руки в огонь? Сожгу Библию?

Я снова посмотрела на слово «СОВЕРШИ». Все, ради чего я работала, вело к этому – моему последнему шоу. Я присела на корточки над дилдо, который прикрепила к центру креста, готовому протрахать мне путь к славе. Попыталась сосредоточиться. Мне было жарко, голова кружилась. Воздух был густ и душен от пота, боли и перспектив.

Уна была моим всем. Моим домом. Моей любовницей.

¹ Сеть американских бюджетных супермаркетов.

Моим чувством цели. Она приносила мне деньги. Обеспечивала востребованность. Давала мне силу, надежду, принимала меня такой, какой я была. Уна была хранительницей моего позора, моей гордости. Она была рядом, когда мне было одиноко, грустно, скучно или требовался друг. Уна всегда была в одном клике от меня.

И я собиралась ее убить.

Глава 1. Комнаты в огне²

– Мы хотим корову! Мы хотим корову! – Большая группа разгневанных учеников начальной школы маршировала, описывая широкий круг вдоль периметра детской площадки. – Мы хотим корову! – Крохотные кулачки взметались в воздух, требуя справедливости. Какова была их цель? Свобода от тирании директрисы, которая позволила выбирать на роль школьного талисмана только орла, дикого пса или лося.

Их метод: общешкольная забастовка в комплекте с плакатами и речевками.

Их лидер: худенькая восьмилетняя девочка с мегафоном и природной склонностью к политическому бунтарству – я.

– **МЫ ХОТИМ КОРОВУ!** – требовала я в мегафон, который добыла, подкупив свою приходящую няньку.

Уже тогда я знала, что мне на роду написано прославиться. Быть знаменитой активисткой или певицей. Знаменитой кем угодно. Мне необходимо было быть в центре внимания. Предпочтительно – чтобы все взоры потрясенно и благоговейно скрещивались на мне, пока я делаю нечто удивительное и неожиданное, например, выговариваю своим учителям за грамматические ошибки или убеждаю весь класс посреди урока математики побросать карандаши

² *Rooms On Fire* – композиция Стиви Никс, американской певицы и автора песен.

и с топотом устремиться на улицу, защищая свободу.

– Мы хотим корову! – скандировали мы.

Учительница вышла вслед за нами во двор, сопровождаемая несколькими учениками, которым поначалу было слишком страшно выйти из школы, но теперь, когда они увидели, как круто мы смотримся, тоже захотелось участвовать. Я вручила им плакаты, которые вместе со своей подружкой Эми нарисовала в туалете, воспользовавшись материалами, тайком экспропрированными из класса рисования.

– Мы хотим корову! Мы хотим корову!

Я прохаживалась туда-сюда вдоль линии марширующих учеников, призывая их кричать громче, топтать сильнее, махать плакатами как можно выше. Мы доходили до края детской площадки и заворачивали обратно к зданию, завершая полный круг по двору. Кучка учителей собралась у дверей, и физкультурница дула в свисток, безуспешно пытаясь привлечь наше внимание.

Взгляд моего друга Шона метнулся к тому месту, где стояли, скрестив руки на груди, учителя. Его плакат дрогнул.

– МЫ ХОТИМ КОРОВУ! – напомнила я ему. Запрыгнула на пень и воздела руки к небесам. – Это *наша* школа! У нас должно быть право выбирать свой талисман!

Толпа разразилась приветственными воплями. Я вторила ей.

Потом соскочила на землю и встала во главе шествия.

– Чего мы хотим?

– КОРОВУ!

– Когда мы ее хотим?

– ПРЯМО СЕЙЧАС!

– Чего мы хотим?..

Пока мы приближались к зданию, директриса выплыла во двор. Ее взгляд выцепил меня из толпы, и она быстро зашагала к нам, взмахом руки велев физкультурнице перестать измываться над свистком.

Она перекрыла нам путь своим телом.

– Что здесь происходит?

– Мы отказываемся возвращаться в класс, пока не будут удовлетворены наши требования, – сказала я своим самым взрослым тоном.

– Какие требования? Что *означает* корова?

– Вы знаете, что это *означает*, Дебра! – Я скрестила руки на груди, подначивая ее бросить мне вызов.

Шон ахнул. Эми восторженно взвизгнула.

Дебра знала, чего мы хотим. Мои четыре предварительные встречи с ней в ее кабинете вполне обрисовали нашу простую, разумную просьбу: избирательную урну для коровы, чтобы ученики могли подать голос за тот талисман, который действительно хотят. Дикае псы и орлы – это скучно. Коровы – круто. Корова была трендовым животным в среде пятого класса.

– Как ты меня назвала?

– Вы хотите встретиться, чтобы обсудить наши условия на

переговорах? Наши требования невелики, Дебра.

– Я не стану вести с тобой *переговоры*.

Я стояла на своем.

Она схватила меня за руку.

Я развернулась и выставила мегафон прямо ей в лицо.

– **МЫ ХОТИМ КОРОВУ!** – завопила я изо всех сил. Она даже не поморщилась. – **МЫ ХОТИМ КОРОВУ!**

Она вырвала мегафон у меня из рук и сцапала за плечо, подталкивая к зданию.

– Не сдавайтесь! Не возвращайтесь! – орала я через плечо. – Чего мы хотим?!

– **КОРОВУ!**

Физкультурница распахнула дверь, и директор Дебра втолкнула меня внутрь. Я ухватилась за дверной косяк и снова высунула голову наружу.

– Когда мы ее хотим?!

– **СЕЙ...**

Их голоса заглушила тяжеленная дверь, захлопнувшаяся за нами. Учителя устремились вперед, чтобы разбить группу, которая продолжала прыгать и улюлюкать. Дебра повела меня по коридору, направляя в свой кабинет в передней части школы.

С горящим лицом, гордо задрав нос, я шествовала по коридору, как чертова мученица.

Сохранилось только одно фото со свадьбы моих родителей. На нем мама на седьмом месяце беременности мной, а папа в сером костюме. В их глазах уже проскакивают первые признаки паники. Мама утверждает, что никогда не думала об аборте, хотя всегда шутила, что ей следовало бы бросить меня на пожарной станции. Никто не знает, планировали ли они мою сестру Люси, но она подросла двумя с половиной годами позже.

Я родилась в Санта-Монике, штате Калифорния. Мои родители бросились «делать карьеру» в Голливуде в конце 80-х и провели годы, предшествовавшие моему рождению, работая помощниками на съемочных площадках и наскребая по карманам гроши на автобусные билеты. Мы жили в однокомнатной квартирке. Я спала на матрасе в кухне, она же гостиная, она же столовая, а моя сестра – в колыбельке рядом с родительской кроватью.

Мне было три года, и у родителей только-только начало получаться «делать карьеру», когда землетрясение и последовавший за ним лесной пожар разорили долину Сан-Фернандо. Мы едва не лишились дома, мама потеряла самообладание, и мы переехали в Боулдер, что в штате Колорадо. Это был городок, прославившийся либерализмом, букинистическими магазинами и наибольшим числом обладателей док-

торских дипломов на душу населения – бастион мамочек-алкоголичек из пригородов, «белого превосходства» и брючек для йоги по девяносто долларов.

Вскоре после переезда мои родители начали делать деньги. Настоящие, реальные деньги. Мой папа, кинооператор, получал все больше и больше заказов на рекламу с участием знаменитых актеров, а мама, визажист и гример, находила клиентов-селебрити, имена которых можно было небрежно упоминать на вечеринках. Родители хотели, чтобы их новообретенный успех был отражен в нашем с сестрой детстве, идеальном, как картинка, – из тех, что с домами в уютных тупичках и поездками в школу на велосипеде. То, что мы жили в Боулдере, означало, что родителям (в основном папе) приходилось ездить по работе по всему свету, снимая рекламу, музыкальные клипы и тот веселый ролик про жвачку *Extra: Polar Ice*, который я любила цитировать на переменах.

Я была таким же богатым, белым, привилегированным, избалованным, откормленным гранолой ребенком, как и все остальные в Боулдере. У нас были деньги. **Если вас оскорбляет мой рассказ о том, в атмосфере каких денег я росла, можете успокоиться: все эти богатства испарились примерно к моим семнадцати годам, когда родители развелись.** Да, я росла с деньгами. Но это было «нормальное среднеклассовое количество» денег, как любила уверять нас мама. Она напоминала нам, что у нас есть домработница, садовник и няньки, но, типа, они же не жи-

вут с нами, и все такое. У нас даже не было гостевого домика, а бассейн у всего нашего района был *общим*.

Сразу после переезда в Боулдер мы поселились в самом обычном доме на одну семью с жилым цокольным этажом и качелями во дворе. Но это было временное жилье, где мы обитали, пока родители покупали и ремонтировали намного больший и помпезный дом. В этом новом доме было целых пять этажей, зато на этаж приходилось всего по паре комнат. Головокружительно! Были в нем и другие спорные дизайнерские решения, как то: пластиковая прозрачная стена в родительской спальне и ярко-красная стена в гостиной, которая напоминала мне лифты в «Сиянии».

Наш дом с трех сторон был окружен очаровательным ручейком, где было полным-полно прозрачных паучков и мелких пресноводных раков, которые, как были уверены мы с сестрой, могли впиться в нашу плоть. Но это все равно не отвращало нас от купания в нем.

– Они отложат яйца тебе в живот, – объясняла я Люси. – А потом их молодь вылупится из твоих глаз.

Сестра с удовольствием мстила мне, пугая в ответ. Она постоянно видела призраков. Я пыталась заставить ее рассказать мне, кто они такие и чего хотят, но она меня игнорировала.

– Вы можете проникнуть внутрь через окно первого этажа, если хотите, – говорила она, обращаясь к ним. – Только в подпол не лезьте – там пауки.

Мои родители были кем угодно, только не нормальными родителями. В то время как все остальные папы ходили в носках и сандалиях, мой щеголял в кроссовках от *Prada*. В конце 2000-х он снял клип для Пинк и приехал домой с мелированием волос. И *красовался* этими выбеленными кончиками. Мои подружки называли его «горячим папиком» и всегда спрашивали, будет ли он дома, собираясь ко мне в гости. Он нормально относился к травке и к парням, и у меня никогда не было комендантского часа. Это он позволял нам с сестрой полуночничать и в канун Рождества возил нас за slashами³ в *7-Eleven*. Когда мы на лето ездили в Италию к его родственникам, он ловил осьминогов голыми руками, а потом за ужином выбешивал нас, громко обсасывая щупальца. Он всегда советовал нам не бояться жизни и нередко говорил, например, такие вещи: «не волнуйтесь, *наверное*, они не ядовитые» и «ты не утонешь – вероятнее всего».

Ему приходилось уезжать из города на долгие недели, а возвращаясь, он привозил экзотические подарки – резные фигурки животных из Южной Африки, рубины и жемчужные ожерелья из Индии. Я часто хвалилась папиной работой. Я хвастала тем, что он знаком с Хилари Дафф. Я хвастала дисками с автографами исполнителей, которые он мне дарил. Я хвастала тем, что в *нашей* семье мы *проматываем* матчи Суперкубка, потому что папе надо *изучать* рекламные ролики.

³ Десертный напиток, фруктовый или ягодный лед, измельченный в кашу.

Мой папа подбивал нас на авантюры, иногда в самые неожиданные моменты.

– Ну что, девчонки, хотите поехать в горы, посмотреть метеоритный дождь?

Или:

– Я покупаю нам билеты в Коста-Рику!

Однажды он встретил нас после уроков с клубным щенком – крохотным американским эскимосским шпицем, которого я назвала Стейнбеком.

У папы также была привычка исчезать в спальне на цокольном этаже и отказываться выходить оттуда днями напролет – что, как мы впоследствии узнали, было одним из симптомов тогда еще не распознанного биполярного расстройства. В те времена мы называли это просто «папочка не очень хорошо себя чувствует». Он устраивал себе нору в постели гостевой спальни и прятался в ней с головой. Казалось, место отца занимает маленький ребенок. Начиналось обычно с того, что его голос становился тихим и каким-то далеким. Мы спрашивали папу, все ли у него в порядке, а он бормотал в ответ что-то вроде «оставьте меня в покое». А потом вообще переставал реагировать. Мы с сестрой по очереди прокрадывались на цыпочках вниз по лестнице, чтобы проверить, жив ли он там еще. Примерно к средним классам школы у нас сложилось нечто вроде стандартного протокола. Сестра низко наклонялась над постелью, повернувшись ухом к его лицу.

– Еще дышит, – изображала она одними губами.

– Па-ап? – окликала я, стараясь делать это как можно тише. – Хочешь чаю?

Он не шевелился.

– Па-ап? – чуть громче повторяла Люси.

– Заткнись! – шипела я, не желая, чтобы она его рассердила. В итоге мы сдавались и поднимались по лестнице к матери.

– Девочки, оставьте отца в покое, – выговаривала она нам. – Он слишком эгоистичен, чтобы обращать на вас внимание.

Моя мать была энергичной, говорливой женщиной с широким кругом друзей и особым талантом: она умела заставить любого почувствовать себя особенным. Она ездила на темном *BMW*, носила дизайнерскую обувь на каблуке, имела идеальный маникюр и поддерживала индекс массы тела, равный восемнадцати. Она дружила со Стингом и Робинот Уильямсом. А однажды, когда я училась в седьмом классе, во время вечеринки на яхте Пола Аллена ее поцеловал Джастин Тимберлейк. Мама коллекционировала знаменитых и богатых друзей, и повсюду, где бы она ни оказалась, ее окружала орда обожателей, молодых и не очень.

Ей нравилось притворяться итальянкой, и итальянская фамилия отца, вероятно, была тем единственным, что ей в нем нравилось. Мама учила итальянский, одевалась как итальянка, пересыпала свою речь хитрыми легкими намеками,

используя слова *чао* вместо «привет» и «пока» и *бачи* – вместо «целую», и при встрече непременно расцеловывала знакомых в обе щеки. Она часто вздыхала о том, как тоскует по Италии, и все, кто входил в ее круг общения, медленно, но верно пришли к выводу, что она – итальянка, как и отец. Хотя она ни разу не солгала об этом в лоб, у нее на лице появлялась такая особенная улыбка, когда кто-нибудь представлял ее, к примеру, «Мэрилин из Флоренции» – на что она всегда отвечала: «ах, вы имеете в виду *Фиренце*».

Мать почти ничего не рассказывала о своем настоящем происхождении, и мы никогда не встречались с ее родственниками. Год за годом мы с сестрой пытались выпытать у нее факты – иногда для заданного в школе фамильного древа, иногда для того, чтобы удовлетворить собственное жгучее любопытство. Однажды мы узнали, что ее детство прошло в глубокой нищете и что иногда ее семья питалась мукой, жаренной на масле, когда не хватало денег на продукты. Мы живо представили себе, как она жметя к сиротливому очагу в соломенном шалаше с земляным полом. Впечатлились и принялись донимать ее вопросами.

– А какая она, твоя мать? Откуда ты родом? Сколько у тебя братьев и сестер?

– *Слишком много.*

– Это понятно, но сколько?

– *Слишком много.*

– Мам, мне нужно знать, сколько, потому что я составляю

фамильное древо!

Вздых. Закатившиеся глаза.

– *Одиннадцать.*

– ОДИННАДЦАТЬ?!

– *Кажется...*

Любая правда о ее прошлом была невидима для всех, кто не входил в семью. Она вальсировала по миру как гламурное, прекрасное, смутно итальянистое видение. Однако мы видели трещины – как они постепенно проявлялись, углублялись и, наконец, вскрывались. Да, она была суперкрутой, и красивой, и очень нас любила. Но еще она порой напивалась, срывала картины со стен, и усыпала лестницы битым стеклом. Она мешала ксанакс с вином, оказывалась голая за захлопнувшейся на замок дверью спальни, а потом пыталась влезть внутрь по стене дома, приставив к ней стремянку и выбив окно. Как-то раз она угодила в один реабилитационный центр с Линдси Лохан, но тсс, это секрет. Однажды «случайно» переборщила с лекарствами, когда путешествовала по Италии. Мне было тогда шестнадцать. Я была дома с сестрой, когда папа позвонил из Калифорнии, чтобы рассказать об этом.

– Ваша мать в больнице. У нее передозировка валиума.

– Ой!

– Она три дня пролежала в коме. Теперь пришла в себя.

– В чем пролежала?

– В коме. Теперь пришла в себя. Они мне только сейчас

позвонили.

– Ты туда поедешь?

– У нее обратный рейс уже во вторник, а пока я туда доберусь...

– Ладно.

У моих родителей было мало общего, но попытки убить себя были тем самым клеем, который скреплял нашу семью.

После того как папа повесил трубку, я повернулась к сестре.

– Мама три дня была в коме, по всей видимости. Но теперь пришла в себя.

– В коме? Почему?

– Приняла слишком много валиума.

– Ой!

Мы немного постояли, помолчали.

– Может быть, отправить ей эсэмэску? – предположила Люси.

– Хочешь – отправь.

– Она может на нас разозлиться. Если поймет, что мы знаем.

– Тогда не отправляй.

Родители спали в отдельных комнатах, вели каждый свою жизнь и имели разные интересы, из-за чего мы с Люси тоже были отдельными существами. Они давали нам с сестрой всю свободу, о которой можно было только мечтать, и еще немного сверху. В результате родительской безалаберности я превратилась в гиперактивное чудовище, препиравшееся со

школьными директорами и обожавшее театральность. Моя сестра, напротив, стала мрачной и саркастичной. Мы жили в доме, который часто казался пустым: мать запиралась в «своей башне», как отец называл хозяйские комнаты на верхнем этаже, а он сам прятался в «своем кабинете», как мама называла его спальню на цокольном этаже. Мы разговаривали друг с другом через интерком домашнего телефона.

К примеру, позвонила мама.

– Что делаете, девочки?

– Смотрим «Дарью»⁴, – ответила сестра, хрустя чипсами.

– Вы целый день у телевизора, идите, займитесь чем-нибудь другим.

– Ладно. – Люси повесила трубку и снова увеличила звук.

Минуту спустя мать перезвонила.

– Все еще смотрите телевизор?

– Да.

– Ладно. Давайте смотрите, хоть все глаза проглядите!

Мне все равно.

– Ага, спасибо. Пока! – и сестра повесила трубку.

Нечасто такое бывало, чтобы мы чем-то занимались все вместе, как семья. Когда папа возвращался из поездок, у него иногда случался приступ «семейности», и он заставлял нас вместе садиться ужинать. Когда же он работал, мама заказывала еду с доставкой из ресторанов, и мы молча жевали

⁴ Мультипликационный сериал об одном из второстепенных персонажей «Бивиса и Батхеда».

ее перед телевизором. Родители редко демонстрировали физические проявления нежности друг к другу. Я только один раз видела, как они целовались, и то лишь тогда, когда мы с сестрой заставили их это сделать, крича «Поцелуйтесь! Поцелуйтесь! Поцелуйтесь!» с заднего сиденья машины. Нам пришлось орать добрых пятнадцать минут, прежде чем мы добились от них быстрого чмока в щечку.

Дважды в месяц мы выбирали время для семейной игры. Игр было две. Первая называлась «раскритикуй фильм/рекламный ролик/выпуск новостей». По правилам этой игры мама издавала вопль всякий раз, как замечала плохо сделанный парик, или несовпадение тона на лице и шее ведущего, или уродливого актера, случайно попавшего на роль в какой-нибудь ситком. Папа тыкал пальцем в экран, если замечал, как киношные прожектора отражались в чьих-то зрачках, или когда ночную сцену явно снимали днем с плохим фильтром. Мы с сестрой пытались состязаться с ними в язвительных шутках, иногда притворяясь, что поймали какой-то ляп, тогда как в действительности ничего такого не видели.

Другая игра называлась «пойти в ванную комнату и обсудить мамин алкоголизм». Не знаю точно, почему подобные разговоры всегда велись в ванной, но, думаю, папе нужно было место, где бы мы все втроем оказались вместе и не смогли втихаря смыться. **После любого особенно поганого запойного эпизода мы с матерью и сестрой пред-**

почитали подмести стекло, извиниться перед копами, выплатить что-то вроде административного штрафа и постараться следующие семнадцать дней не смотреть друг другу в глаза. Потом возвращался домой папа, обнаруживал, что очередное произведение искусства стоимостью в пять тысяч долларов пожертвовано городской свалке, и призывал нас в «комнату для омовений» на «совещание». Все они проходили примерно так:

– Вашей матери необходимо лечь на реабилитацию.

Мы с сестрой что-то согласно мямлили.

– Нам нужно поддержать ее, пока она будет выздоравливать.

Мы с сестрой закатывали глаза в ответ на эту концепцию семейной поддержки.

– Она больна. Вы ведь это понимаете, верно?

Мы кивали.

– Мэрилин, БУДЬ ТАК ДОБРА, МОЖЕШЬ ПОГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ?!

Мать, сидевшая на крышке унитаза, по-прежнему в ночной рубашке, которую не меняла несколько дней, чуть приподнимала голову. Заправляла волосы за уши, молитвенно складывала ладони.

– Ммм? Да. Мне на самом деле надо просто снова обрести свой центр.

Хотя мама действительно пару раз пыталась пройти реабилитацию, а однажды даже сказала, что у нее «аллергия

на спиртное», трезвенницей она так и не стала. Однако ей удалось научиться изящнее скрывать свое пьянство от отца, предаваясь любимой привычке только тогда, когда он уезжал из города на работу. В отсутствие взрослого человека, который мог бы ее приструнить, она была вольна сеять хаос в нашем доме. А также в нашей социальной жизни. Как в тот раз, когда я пришла домой с подругами, а она «занималась йогой» в гостиной, одетая в одни колготки и лифчик.

– Давайте присоединяйтесь, девочки, – задыхаясь, невнятно проговорила мама. Она лежала на спине, широко раскинув ноги, и тонюсенький полиэстер был единственной преградой между взглядами моих подруг и влагилицем моей матери.

– Задирать ноги на стену очень полезно, очень важно... это создает обратный ток энергии.

Иногда такие эпизоды заканчивались тем, что я или сестра вызывали копов, но только в том случае, если мать грозилась покончить с собой или решала, что сестра за руль в таком состоянии – отличная идея.

Я обожала визиты полицейских. Они так беспокоились о нашем благополучии! Поскольку сестра не любила с ними разговаривать, я естественным образом становилась центром внимания.

– Ваша мать когда-нибудь вас бьет?

– Ну-у...

– Иззза! – шипела сестра.

– Нет. Не бьет.

– Напивается часто?

– Ну она же *алкоголичка*, – небрежно констатировала я. –

Так что – да, часто.

После того как копы уезжали, убедившись, что мать стабильна и на самом деле лишь умеренно пьяна, она набрасывалась на нас.

– Господи помилуй, что вы...

– Мам, прости – нам было страшно! – пыталась объяснить Люси.

– Чушь собачья! Ты лгунья! Только и прикидываешь, как бы разрушить мою жизнь!

– Мама, пожалуйста...

– Иди и ябедничай отцу, чего ждешь?! – Она, спотыкаясь, брела по лестнице в свою комнату. – Я знаю, что вы обе больше любите его. Но где он? А? *Где он?!*

– Мам...

– Таскается где-то со своими *шлюхами* – вот где! *Я* вас воспитываю. И вот что получаю вместо спасибо?! – Она хлопала дверью и яростно проворачивала ключ в замке.

– Не понимаю, зачем ты вообще пытаешься с ней разговаривать, – говорила я Люси. – Только время зря тратишь.

Если мы не вызывали копов, то звонили ее ближайшей (на данный момент) подруге, которая мчалась на помощь и пыталась обеспечить нам защиту.

– О, не волнуйтесь, я *обо всем* позабочусь, – ворковала

лучшая подруга.

Я же повторяла свою мантру:

– Она алкоголичка. Вы не можете ничего исправить. Просто позаботьтесь о том, чтобы она не умерла.

– Ну-ну, не надо драматизировать, – всегда утешала нас лучшая подруга, деликатно стучась в дверь маминой спальни. – Мэрилин! Мэрилин, можешь открыть дверь? Это я!

– Она говорила, что у нее есть бритвенные лезвия, – услужливо вставляла Люси.

После запоя мама пару дней не вылезала из постели, а потом наконец спускалась вниз, наряженная, покрашенная, с вопросами о том, почему Роза не пропылесосила в гостиной и почему никто не принес ее заказ из универмага *Neiman Marcus*. А потом отрекалась от той подруги, которую мы звали к нам домой, чтобы помочь ей.

– А, Нэнси? – говорила она, когда мы спрашивали, почему ее подруга больше не заезжает к нам. – Она оказалась отпетой сукой. Как и все они.

Когда мать напивалась, я не могла ни уйти – поскольку меня приводила в ужас мысль о том, что она умрет, ни остаться – потому что боялась, что она нечаянно убьет нас. Когда мы с сестрой были маленькими, мы прятались под ее кроватью и играли в ролевые игры с мягкими игрушками. Ни одной из нас на самом деле не хотелось никаких игр, но мы передвигали своих зверюшек и заставляли их разговаривать друг с другом, делая вид, что ничу-

точки не напрягаемся, силясь услышать шаги матери, пьяно шатающейся по дому.

– Кем работает твой мишка?

– Он астронавт.

– Ладно, мой тогда будет ученым.

– Хорошо.

– Привет, мистер Медведь! Давайте полетим на Плутон.

– Он не хочет лететь на Плутон.

– Почему?

– Потому что это дурацкая планета.

Я жила двумя жизнями. С одной стороны, я была богатой белой девочкой, родители которой вели знакомство со знаменитостями; девочкой, у которой была возможность бывать на съемочных площадках. Я летала первым классом в Европу и дарила подружкам постеры группы *Destiny's Child* с автографами на дни рождения. А еще я была девочкой, чьи родители были искалечены собственными психическими недугами до такой степени, что почти что бросили ее. Я чувствовала, как эти две мои половины начинают поляризоваться. Была та я, которая хотела быть богатой и гламурной, как родители, и была другая, желающая убить свою семью и сжечь дотла весь мир.

Поскольку любовь и внимание родителей были редкими и импульсивными подарками судьбы, я научилась искать эти вещи в других местах. Из-за того что не чувствовала себя «своей» даже в собственной семье, роль отверженной дава-

лась мне естественно, и я начала упиваться возможностями, которые она мне предоставляла. Если мне суждено быть странной девицей с трагической семейной историей, то я буду самой странной девицей с самой что ни на есть трагической семейной историей.

В конце концов, это был отличный способ привлечь внимание.

Глава 2. Девочки преследуют мальчиков⁵

– Отныне и впредь я иду по викканскому пути, – нарасспев провозгласила я. – Посвящаю себя вам, Мать-Богиня и Отец-Бог! – тут я подняла повыше зажженную свечу, позволяя раскаленному воску стекать по рукам. В конце концов, что такое посвящение, если не боль?

Мне нужно было выделяться, быть не такой, как все, чтобы мне вслед оборачивались, когда я шла по коридору. Казалось, самый простой способ добиться этого – стать самой странной девицей во всей средней школе. В двенадцать лет я решила, что хочу принять языческую религию, в которой ни черта не смыслила, и тогда я рыбкай нырнула в свою «викканскую фазу». Я была одержима сакральной женственностью и накладывала заклятия на девчонок, которые странно смотрели на меня во время переменок. Мое обычное одеяние состояло из длинных черных струящихся юбок и браслетов, нанизанных на руки до самого локтя.

– Я не хожу в церковь, я же *ведьма*, – объяснила я своим одноклассникам. – Мне не хотелось бы, чтобы меня сожгли у столба или еще что.

Некоторые хмыкали в ответ. Они за это заплатят! У меня

⁵ *Girls Chase Boys* – песня американской инди-поп певицы и автора песен.

была целая книга заклинаний отмщения. Однако большинство ничего не имели против. В Боулдере все эти ведьмовские дела считались чуть ли не суперкрутыми. Мама моей подружки Меган ходила к целителю рейки⁶ и дарила мне кусочки розового кварца, когда я болела простудой.

Однако все изменилось, когда я перешла в шестой класс и папа вдруг решил перевезти нас в Италию.

– Чтобы вы могли выучить итальянский, – так он это объяснил.

– Но мы достаточно хорошо знаем итальянский, – запротестовала сестра.

– Вам девочки, нужно свободно разговаривать. Я хочу, чтобы вы смогли жить там, когда станете постарше.

Чтобы облегчить период привыкания к новой стране, он снял просторную виллу, обставленную шелковыми викторианскими диванами. Нам не разрешалось не только прикасаться к ним, но даже дышать рядом. Первый год мы учились в американской частной школе, где моя бабушка работала библиотекарем и администратором. Это была та же школа, в которую ходил в детстве отец, и все остальные ее ученики были родственниками знаменитых художников или дизайнеров обуви. Когда нам случалось заходить в винный магазин, я видела их фамилии, сиявшие золотом на бутылках кьянти по восемьдесят евро за штуку.

В Боулдере я была странной богатой девочкой со знаме-

⁶ *Рейки* – один из древнейших видов тибетского целительного искусства

нитыми родителями и слишком большим количеством браслетов. В Италии я была той странной небогатой девочкой, у чьей семьи не было никакой родовой истории и которая не умела правильно одеваться. Поначалу я пыталась играть роль той же громогласной несносной девицы, которой была дома.

– Девчонки, вам нравится Мэрилин Мэнсон? Мой папа снимал для него видеоклип. Тот самый, знаете, где все эти органы в банках.

Красивая рыжеволосая девочка по имени Кендра только моргнула.

Ее подруга Шелби ответила:

– Это, случайно, не тот ужасно жуткий парень со странным лицом?

– Ну я не сказала бы, что он такой уж жуткий. Он просто знает толк... в тьме.

Кендра рассмеялась.

– В какой еще тьме?

– Ну, понимаешь, в темной стороне жизни.

– Ага... ну мне он кажется жутким.

– Ужасно жутким, – согласилась Шелби. – К тому же он на женщину смахивает.

До меня начало доходить, что, возможно, быть не такой, как все, – не лучший способ добиться внимания в Италии. Эту проблему усугублял тот факт, что *кое-что начало происходить*. А конкретно – менялось мое тело. У меня стала

расти грудь и пришли первые месячные. Я сделала вывод, что прохождение через пубертат означает сокрушительный стыд и позор на веки вечные. Мама не позволяла мне начать брить ноги так рано, как начинали другие девочки, поэтому мне приходилось *притворяться*, что я брею ноги, и стараться по возможности их скрывать. Однажды, когда я сидела на уроке, Шелби провела рукой по моей голени.

– О боже мой! У тебя *такие* гладкие ноги! – зачастила она. – Кендра, иди потрогай!

Кендра провела рукой по моей волосатой ноге.

– О да, такие гладенькие! Какой бритвой пользуешься?

– «Гил-лит», – наугад сказала я, неверно произнеся название, которое вот только утром прочла на папиной бритве в ванной.

– Ооо, никогда не слышала, – улыбнулась Шелби. – Должно быть, *из дорогих*.

Мне потребовалась целая минута, чтобы понять, что они надо мной насмеваются.

К счастью, вместе с волосами на ногах появилось и растущее чувство цели. **Я начала осознавать, что быть женщиной – значит иметь определенную власть.**

Это осознание началось с парня по имени Майк Парсон.

Однажды вечером я сидела на уроке итальянского для тех экспатов, которые все еще разговаривали по-итальянски на уровне трехлетнего малыша-носителя. Учительница вышла из класса, велев нам «зубрить наизусть новые слова». В ре-

альности это означало, что все мы громко сплетничали о том, что Кендра пойдет на танцы с Паоло. Майк, восьмиклассник с зелеными глазами и непотребным чувством юмора, уселся в учительское кресло, крутясь в нем и хлопая по столам указкой.

И вдруг ни с того ни с сего он остановил кресло на середине разворота и уставился прямо на меня. Я опустила глаза. Майк был *крутой*. Веселый парень, который всем нравился. К тому же он был на год старше, что в средней школе практически равно десяти годам. Я с Майком не разговаривала. Я не разговаривала даже *о* Майке. Он подкатился в кресле прямо ко мне.

Хлопнул указкой по моему столу.

– Эй, Иза!

Я подняла взгляд.

– Хочешь встречаться со мной?

Не могу вспомнить, что в тот момент происходило у меня в мозгах, потому что они выключились. Мои мозги попросту решили перестать функционировать. А поскольку мозги не функционировали, рот тоже ушел в отказ. Однако меня хватило на то, чтобы энергично замотать головой: нет!

– Ты серьезно?! – Майк откатил кресло на пару футов и смерил меня взглядом.

Моя голова – единственная часть меня, которая была способна двигаться, – кивнула. Майк швырнул указку на пол.

– Да на хрен, – пробормотал он себе под нос, снова отка-

тывая кресло к учительскому столу.

– Но ведь я даже не собиралась говорить «нет»! – рыдала я на груди у матери в тот вечер, поливая соплями ее шелковую ночнушку.

– Ничего страшного, что ты не готова встречаться, – утешала меня мама. – Мужчины всегда будут хотеть таких женщин, как мы. Мы не можем говорить «да» им всем.

Следующие несколько недель я пыталась оценить случившееся. *Я нравлюсь Майку Парсону.* Да как это вообще возможно? Никто не говорил мне, что он в меня втюрился. Да я вообще почти ни разу с ним не разговаривала. Я не считала себя красивой и знала, что одеваюсь не так модно, как наши более богатые и гламурные девочки.

Майк позаботился донести до меня, что он расстроен. Когда нам случалось разминуться в коридоре, он выпускал долгий вздох или досадливо пинал пол. Однажды, когда я отвернулась от него, он стукнулся лбом о металлический шкафчик с громким криком «бля!» Все посмотрели на него. Все посмотрели на меня. Это я сделала это с ним. Это я его сломала.

Я, конечно, почувствовала себя виноватой. Но под виной, еще глубже, ощутила щекотку возбуждения.

Я сделала это с ним.

Майк начал встречаться с моей подругой Элли, и она в одночасье стала знаменитостью. Она была всего лишь в *шестом* классе – но встречалась с *Майком Парсоном*.

– Да, но мне он предложил первой, – сказала я своей подруге Натали.

– Ну да, конечно!

– Нет, правда.

– Тогда почему ты с ним не встречаешься?

Я не ответила. Это я заставила Майка биться лбом о шкафчик. Это я была той, кого он хотел первой. Это мне полагалось быть той девушкой, которая после уроков садилась на заднее сиденье Майковой «Веспы». (В Италии по какой-то причине можно ездить на мопедах с четырнадцати лет. Вероятно, потому-то из-за них и гибнет столько людей.)

Пусть с Майком мы не встречались, но теперь я ощутила вкус власти и внимания, который запал мне в душу даже глубже, чем наличие крутых родителей или возможность быть темной мрачной ведьмой. Я могла *контролировать* другого человека. Я могла заставить другого человека быть безутешным. Это означало, что я могла заставить другого человека почувствовать и любовь. Это был тот самый кайф внимания, который я ощутила, когда объявила себя ведьмой, но дающий намного больше сил.

Наблюдая, как Элли и Майк целуются в засос, прижавшись к матовому стеклу библиотечного окна, я повернулась к Натали.

– Я заведу себе бойфренда.

– Правда?

– Да.

– Кого?

– Пока не знаю. Я еще не выбрала.

– Невозможно просто *выбрать* бойфренда! Разве ты не должна ему нравиться?

– Я сделаю так, что понравлюсь ему.

Решение было принято. Пора было взрослеть.

В следующем семестре моя семья вернулась в Боулдер, и я начала учебу в новой школе – и новый эксперимент. Я собиралась выбрать парня, с которым захочу встречаться, и заставить его ответить мне взаимностью. Я собиралась снова почувствовать себя могущественной.

Я выбрала цель: стеснительного мальчика по имени Натаниэль. У него был брат-близнец – намного более громогласный, буйный и популярный. Я рассудила, что Натаниэль будет легкой добычей.

– А как это вообще делать – флиртовать? – спросила меня новая подруга, Симона, когда я за обедом рассказала ей о своем плане.

– Это легко. – Я закатила глаза. – Просто смотришь на парня, улыбаешься, а потом отводишь взгляд.

– Правда?

– Да. Бабушка даже рассказывала мне, что в былые времена надо было просто попросить у парня прикурить, и тогда он понимал, что ты флиртуешь.

– Курение – это гадость, – скривилась она.

– Нет же, Симона. Курить – это *гламурно*.

Конечно, мне было всего тринадцать, и я понятия не имела, о чем говорила. К счастью, когда тебе тринадцать, стать соблазнительницей на самом деле очень легко. Все, что от меня потребовалось – это улыбаться и поглядывать на Натаниэля в течение всех шести уроков, и он проглотил наживку. Днем позже несколько мальчишек подошли ко мне и сказали, что кое-кто хочет со мной поговорить. Я последовала за ними к качелям, у которых ждал меня Натаниэль.

– Привет. – Он смотрел в землю.

Я уставилась ему в лицо, не моргая.

– Привет.

Он набрал воздуха, но... ничего не сказал.

Я прислонилась к качелям и расстегнула молнию на толстовке. Хочешь поймать парня – покажи сиськи, это я знала.

– Робби сказал, что ты хотел со мной поговорить.

– Нет... в смысле, не знаю. – Он украдкой бросил взгляд на компанию своих друзей, которые неистово махали ему руками.

– Ты хочешь о чем-то меня спросить? – Я улыбалась, стараясь казаться мягкой и дружелюбной.

Он снова замешкался.

– Давай же. – Я посмотрела ему в глаза, потом перевела взгляд на собственные ноги, подражая милой стеснительной девушке, которую видела в «Деграсси»⁷.

⁷ Канадские сериалы о повседневной жизни компании детей и подростков.

– Хочешь со мной встречаться?

У меня получилось!

– Конечно, – ответила я, воображая, как его позвоночник содрогнулся от восторга, когда эти слова вылетели из моего рта.

В тот день я вошла в школу после перемены, высоко держа голову. За все свои тринадцать лет я ни разу не ощущала такого кайфа. Я представляла себе Натаниэля в соседнем классе, ошарашенного, краснеющего, у которого потеют ладошки при мысли о том, что я, Иза – его девушка. *У меня есть власть!* Я смогла заставить мальчика влюбиться в меня. Черт, как же это было приятно! Я поспешила к шкафчику Симоны.

– Ну вот, я это сделала.

– Что ты сделала?

– *Натаниэль*. – Я наклонилась к ней. – *Я тебе говорила!*

Наконец-то я стала женщиной. Женщиной, способной контролировать мужчину. Способной сделать мужчину более счастливым, чем когда-либо в жизни. Или – тут я вспомнила Майка – несчастнее.

На наше первое – и единственное – свидание мы с Натаниэлем пошли смотреть фильм «Бэтмен: начало». В один из редких моментов единения мое семейство решило подвезти меня к кинотеатру всем составом. Они направлялись в *Target* и собирались подхватить меня после сеанса у выхода из кинотеатра, чтобы потом поехать ужинать. Я влетела в киноте-

атр и увидела Натаниэля. Он купил нам билеты и одну диетическую колу с двумя соломинками.

Во время сеанса я свесила пальцы с края подлокотника, надеясь, что он возьмет меня за руку. Он не отрывал глаз от экрана. Я огляделась по сторонам. Кинотеатр был почти пуст. Я подалась к нему, сдвинув руку так, чтобы пальцы оказались чуть ближе. От него пахло смесью дезодоранта и пота. Я впилась взглядом в его руки и заметила грязь под ногтями. На его длинных шортах ближе к колену темнело жирное пятно. На экране Кристиан Бейл целовал Кэти Холмс. Я ждала своего поцелуя. Так и не дождалась.

Я вернулась в родительскую машину, пылая негодованием.

– Как все прошло? – спросила мать с живым любопытством, повернувшись на сиденье.

Я резко втянула воздух ноздрями.

– Лучше не бывает!

Моя сестра высунула голову из окошка, пытаясь разглядеть Натаниэля.

– Это он?

Я посмотрела на сутулого подростка с худыми длинными руками и жирным пятном на шортах у колена. Он теребил подбородок, шагая к автобусной остановке.

– Нет.

– И что, это все? Мы больше ничего не услышим? – Папа

завел машину.

– Это мое *личное дело*. Может, уже поедем ужинать?

– Настоящий подросток! – сказал папа с гордостью.

Я гадала, почему Натаниэль меня не поцеловал. Я заставила Майка Парсона биться лбом о металлический шкафчик, но не смогла заставить этого неудачника коснуться моей руки?! Я пыталась понять, как заставить Натаниэля полюбить меня сильнее. Размышляла о том, как заставить полюбить меня других парней. Думала... а смогла бы я заставить *всех* парней полюбить меня?

Я начала тестировать стратегии и разрабатывать правила. Смотрела романтические комедии и училась прикусывать губу, как Рейчел Макадамс. Пристально наблюдала, как трепещет ресницами и саркастически смеется Джулия Робертс. Я составила Правила Соблазнения Изы™, и они были замечательно просты:

1) Смотреть на парня через всю комнату, пока он не поднимет взгляд, задержать визуальный контакт, потом отвести взгляд. Повторить.

2) Полностью игнорировать парня в ситуациях группового общения.

Но, Иза, возможно, думаете вы, твой метод работает только в том случае, если ты физически привлекательна, сексуальна и красива. Так вот, вы *ошибаетесь*. Это работает только в том случае, если ты физически привлекательнее, сексуальнее и красивее, *чем парень*. Я старалась держаться пар-

ней, которые были либо менее привлекательны, чем я, либо просто менее уверены в себе, чем я. Предпочтительно – и то и другое. Я никогда не охотилась на популярных, уверенных, состоявшихся парней. Они могли меня отвергнуть. Я выбирала тех, которые *не* нравились девочкам, – или как минимум тех, которые не знали, что нравятся девочкам. Я хотела быть той девушкой, про которую парень и не думал, что может ее заполучить. Я желала быть богиней. Я стремилась к тому, чтобы мне поклонялись. Я хотела быть Изой, королевой парней.

Чем больше я с ними играла, тем упорнее ухаживали за мной парни. Когда я их игнорировала, они задавали мне больше вопросов. Я говорила себе, что эти парни в меня влюбляются. Что они считают меня своей родственной душой. Что я – идеальная девушка. На самом же деле меня снедала навязчивая идея: больше парней, больше соблазнения, больше визуального контакта. Разумеется, я говорила себе, что мне нужна любовь. Такая, что прямо конец света, сокрушающая душу, меняющая жизнь, одержимая ЛЮБОВЬ. Каждый контакт с новым парнем казался фаталистическим и острым. *Этот* парень будет венцом творения. *Этот* момент будет моей спасительной благодатью...

Что подводит нас к заключительным этапам.

3) Рассказать что-то такое, что кажется твоей самой сокровенной, самой темной тайной, но на самом деле ею не является – потому что это сделало бы тебя беззащитной, ду-

рочка!

4) Попросить парня поделиться своими самыми сокровенными, самыми темными тайнами.

Очевидно, что эмоциональная близость – ключ к любым здоровым, цветущим отношениям. Она же является ключом к любым вредоносным, психологически манипулятивным отношениям. Я достаточно быстро поняла, что, когда посвящаешь кого-то в свою тайну, становишься уязвима перед этим человеком, и это дает тебе бесценную власть, потому что ты всегда сможешь использовать эту известную ему тайну в целях эмоционального шантажа. Например, если парень злится на тебя, потому что ты при нем флиртовала с другим, можно сказать нечто вроде:

«Прости! Я была такая пьяная! [Начинай плакать.] Думаешь, я стану алкоголичкой, как моя мать?»

Мне было легко придумывать собственные «тайны», потому что у меня имелся широкий ассортимент сочных и непристойных секретов, причем мне не приходилось на самом деле выдавать ни одной из тех, которые я желала сохранить. Я просто выбирала ту правду, которая вызвала бы у парня наибольший отклик. Например, я могла сказать:

«Моя мать – алкоголичка», если знала, что у парня в семье есть проблемы с зависимостью, или

«Мой папа пару раз пытался покончить с собой», если парень признавался, что у него депрессия, или

«Я режу себя, когда мне грустно», если парень был осо-

бенно жалостлив.

Все эти тайны отлично годились, чтобы ими делиться, поскольку не просто были сокровенными, темными, интимными, но и позволяли мне выглядеть трагично и красиво. Обычно, поделившись такой «тяжелой» тайной – и не имело значения, что я уже рассказывала это нескольким другим мальчикам только в текущем месяце, – я прессовала парня, заставляя признаться в чем-то таком, что он хранил в глубине сердца. Иногда, если он сильно сопротивлялся, я буквально выбивала тайну из него в беседе, напоминая по стилю допрос.

К окончанию девятого класса я прожила в Боулдере год и довела свой метод почти до совершенства. Мы с моим другом Кайлом прислонились к въездным воротам школы, дожидаясь маму, которая должна была меня забрать. Был июнь, и в воздухе разливалось тепло.

– Ты веришь в бога? – спросила я его.

– Да как-то не очень, а что?

– Не знаю... В смысле, как думаешь, что происходит, когда мы умираем?

– Понятия не имею.

– Ты боишься смерти? – Я заглянула ему в глаза, потом ушла в сторону. – Я вот боюсь. Но, знаешь, все равно иногда мне хочется умереть. Наверное, это потому, что самоубийство в моей семье – норма.

Он сложил руки на груди и не ответил.

Я предприняла еще одну попытку.

– Ты не такой, как остальные парни.

– Правда?

– Я вижу, что тебе грустно. Почему тебе грустно?

Он вздохнул поглубже.

– Странно, что ты вот так говоришь о самоубийстве...

– Это оно?

– Ага.

– Кайл! Ты можешь мне рассказать. – Я повернулась к нему.

– Мой дядя покончил с собой. В прошлом году, – сказал он, шаркая ногой по асфальту.

Я это уже знала. Но он не знал, что я в курсе.

Я обвила его руками. Теперь он был мой.

С каждым новым парнем я говорила себе, что вот теперь точно – все. Что этот – последний. Вот как только я понравлюсь Тейлору, так сразу буду удовлетворена. Как только понравлюсь Марку. Как только Патрику. Скаю. Алексу. Крису. Я выкапывала тайны из парня, как моллюсков из песка, а потом говорила ему, что все его мечты возможны и что он – самый прекрасный человек на свете. Называя парня прекрасным, я видела в его глазах тот самый миг, когда он решал, что я – потрясающая. И упивалась этим мгновением. Я не сознавала, что манипулирую. Или, по крайней мере, так успокаивала себя, отчаянно жаждая верить, что я – не какой-то там суккуб-социопат.

Однажды вечером (дело было во время моей учебы в десятом классе) я была наверху, одна в своей комнате. Папа лежал в постели третьи сутки, и мамино терпение лопнуло.

– Я не могу заниматься здесь абсолютно всем! – кричала она ему сквозь дверь. – Ты должен принять ответственность за свою жизнь!

Секунду передохнула, дожидаясь ответа, но так и не услышала его.

– Они *твои* дети! – добавила она, словно то, что мы буквально появились на свет из ее тела, совершенно ничего не значило.

Я посмотрела на свой телефон. Ощутила укол вины. Знала, что не должна этого делать, но все равно стала перебирать контакты. Остановилась на Конноре. Я знала, что Коннор хочет со мной встречаться. Знала, что сама не хочу встречаться с Коннором. Знала, что Коннор мне даже не *нравится*. Зато я определенно нравилась Коннору. И я набрала сообщение:

Привет. Приходи ко мне. Принеси мороженого.

Не делай этого...

Я отредактировала сообщение:

Привет. Приходи ко мне. Принеси мороженого;)

Такое никогда хорошо не заканчивалось.

Десять минут спустя некий Коннор Граус стоял под окном моей спальни.

– Мне забраться?

В зубах у него был зажат стебель розы, на локте висел па-

кет из магазина. Он был такой радостный и милый. Интересно, подумала я, чем он занимался до того, как я его позвала?

– Оно со вкусом печенья?

Он кивнул.

Я подняла жалюзи на окне.

Он начал взбираться, красуясь, завис на мгновение на одной руке, прежде чем забросить тело на мой подоконник. Руки у него были сильные, пальцы – грубые.

Я улыбнулась, наклонившись, чтобы взять розу из его зубов, пока он лез.

Я провела с ним час, лакомясь мороженым и сплетничая о своей подруге Мэгги. Он сочувственно кивал и массировал мне шею. Я сидела перед ним, опершись на его грудь спиной. Время от времени снизу вверх по лестнице прокатывался очередной вопль, просачиваясь под мою дверь. Коннор делал вид, что ничего не замечает. Я поставила розу на свою тумбочку, и он иногда на нее поглядывал.

Его руки начали потихоньку двигаться вниз, и вот, наконец, он извернулся, чтобы оказаться передо мной, и поцеловал меня влажным ртом. Я замялась и отстранилась. Но мне казалось, что я ему задолжала. Ведь он, в конце-то концов, взобрался по стене моего дома. Я поцеловала его в ответ, не понимая, как такое возможно, чтобы его губы, издали казавшиеся такими тонкими, прикасаясь к моим, ощущались такими толстыми и бугристыми. Он бурно задышал, шаря языком по разным закоулкам моего рта. Я отстранилась. Он

притянул меня обратно.

Испустил задыхающийся вздох.

– Иза...

Я соскользнула с кровати и встала.

– А теперь мне пора спать.

Его глаза полузакрылись. Я видела, как закаменела его челюсть.

Я налепила на лицо извиняющуюся улыбку.

– Я и вправду устала.

Он понял намек и поднялся, уже со спокойным лицом.

– Ну что ж, я неплохо провел время, – начал он. – Может быть, когда-нибудь мы смогли бы... – не договорил и потянулся за моей рукой.

Не-а!

– Я тоже, – обняла его. – Спасибо, что пришел. Мне было так скучно! – и подтолкнула его к окну. – Извини, что тебе пришлось и туда, и обратно лезть через окно. Мои родители не против того, чтобы ко мне приходили друзья, я просто не хотела спрашивать разрешения, потому что они... – Я сделала паузу. – Заняты.

– Да все нормально, я...

– Однако вот так прокрадываться в дом – это круто, верно? Романтично! – подмигнула ему и открыла окно.

Коннор начал выбираться наружу.

– Да, но... – он снова пытался пригласить меня на свидание. В моей комнате задержались только его голова и плечи.

Я встала рядом с ним на колени и легонько сжала его плечо.

– Ты лучше всех, Коннор, – заглянула ему в глаза. – Правда. Честно-честно.

А потом встала и взялась за раму, чтобы закрыть окно.

Он в последний раз поднял на меня глаза. Растерянный. Разочарованный. Но не разгневанный. Нет-нет, никакого гнева. Как будто я стала бы встречаться с *Коннором Граусом!* Дурак. Я знала, что у меня складывается определенная репутация из-за таких вот случаев – когда парни полагали, что я займусь с ними сексом, а я не занималась. Секс не был тем, за чем я охотилась. Но я хотела быть сексуально желанной, и в этом заключался парадокс всего моего отрочества.

Позже, оставшись одна в темноте, я поднесла зажигалку к английской булавке и держала, пока та не раскалилась докрасна, а потом с силой провела ею по коже. Я думала о лице Коннора, о его закаменевшей челюсти.

– Гребаная шлюха, – сказала я себе, надавливая на булавку, прожигая неровные параллельные линии на внутренней поверхности бедра. – Какая ж ты сука!

Я подумала о языке Коннора.

– Ненавижу тебя. *Я тебя ненавижу.*

Я прожгла длинную линию от лобковой кости к тазовой, любуясь тем, как быстро белая кожа становится красной, потом коричневой. Это было безрассудно. Я это заслужила. Я была омерзительна. Из-за того, что мне нужно было, чтобы

он пришел. Из-за того, что позволила ему поцеловать себя. Из-за того, что сжала его плечо.

– Ты дура. Дура, дура, дура. – Я чикнула зажигалкой, снова раскаляя булавку. – Здоровенный кусок засранского дерьма.

Спустя пару минут я взяла себя в руки. Знала, что Коннор вскоре пригласит меня на свидание. Знала, что мне придется либо отвергнуть его и лишиться его внимания, либо встретиться с ним и столкнуться с последствиями. Мне придется прикасаться к нему, и держать его за руку, и лизаться с ним.

Я не хотела с ним лизаться.

Я забралась в постель и взяла телефон. Внутри меня жило нечто – большое, темное и зияющее – и, если бы я его не кормила, оно пожрало бы меня целиком. Когда тонешь во тьме, легко думать, что любовь спасет тебя. Что парень спасет тебя.

Я прокрутила список контактов. Кто из парней не спит после полуночи?

* * *

Первым парнем, с которым я занялась сексом, был Джона. Я познакомилась с ним во второй год учебы в старших классах. Мы впервые встретились во дворе его школы, где я ждала Симону. Он наблюдал, как я разговаривала с компанией ребят, и улыбался мне издали. У него были короткие

вьющиеся каштановые волосы и очки в проволочной оправе. Выглядел он придурковатым, но милым. Он стоял, чуть сместив вес тела на носки, и я обратила внимание на его мускулистые голени. Мы начали встречаться по чистой случайности, в основном потому, что он посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

– Я знаю, чего ты добиваешься.

– Что ты имеешь в виду?

Он упер руки в бока и перенес вес тела на пятки.

– Твои «игры разума». Со мной они не работают.

– Да-а?

– Ни единого шанса. – Он подмигнул мне.

Я была заинтригована. Никому прежде еще не удавалось меня разоблачить. Мы стали встречаться. **Джона позволял мне соблазнять других мужчин (при условии, что я с ними не целовалась), потому что ему было весело наблюдать, как я ими манипулирую.** Я стала одержима желанием взять верх над Джоной, но это оказалось невозможно. Он манипулировал мною в ответ. Пытался контролировать меня, а я пыталась контролировать его, а потом мы вместе наблюдали, как я контролирую других парней. То, что начиналось как миленький школьный романчик, превратилось в эпическую борьбу за власть. И так я осознала, что влюбилась в Джону.

Это не меняло того факта, что мне по-прежнему было нужно, чтобы все парни хотели меня. Но теперь эту потреб-

ность сдерживало наличие бойфренда. Границы стали четче, но я позволяла другим думать, что, может быть – только *может быть*, – если они достаточно постараются, то я брошу ради них Джону.

Шли месяцы, мы с Джоной проходили этап за этапом – от неловкого хватания за грудь до взаимной мастурбации, от взаимной мастурбации до неуклюжих «зубастых» минетов. Однако вскоре Джоне этого стало мало.

Джона хотел секса. Я – нет.

– Ты что, меня не любишь? – спросил он, когда я сказала ему, что не готова. Он сидел на синем стуле перед компьютером. Я сидела на краю его кровати.

– Люблю.

– Тогда почему не показываешь мне этого? В этом-то весь смысл секса – это доказательство любви. – Джона развернулся в кресле, чтобы видеть меня.

Я задумалась о его словах.

– Я просто... не знаю. Не хочу заниматься сексом, вот и все.

– Ты хочешь нравиться каждому парню, манипулируешь людьми направо-налево, и я тебе это позволяю, но мне нужно, чтобы ты показала, что любишь меня. Что я особенный.

– Конечно же, ты особенный!

– Тогда почему ты не хочешь мне это показать?

– Не знаю.

– Нам лучше лишиться девственности вместе. Мы любим

друг друга. Это не просто так.

Он начал наказывать меня за отказ. Когда я садилась к нему на колени, он отчитывал меня:

– Ты не можешь вот так сидеть у меня на коленях и в то же время отказывать в сексе. Это несправедливо. Не дразнись.

Я не хотела дразниться. Я страшилась его неодобрения и начала избегать вообще любых прикосновений. Мое нежелание заниматься сексом приводило в недоумение меня саму. Оно казалось полной противоположностью моей личности. Как может женщина, которая так наслаждается вниманием мужчин, при этом избегать того самого, чего эти мужчины хотят? Я говорила себе, что это потому, что меня больше заботит любовь, чем секс. Но с Джоной я могла получить и то, и другое. Мне следовало бы получить и то, и другое. Так поступают люди в отношениях. Они занимаются сексом.

Я сдалась. Мы выбрали день, и тем вечером после школы я пришла к нему домой, когда его родители были на работе. У нас впереди было трехчасовое «окно». Мы забрались в двуспальную постель и спрятались под светло-голубыми простынями. Он целовал меня, говорил, что любит, и снимал с меня одежду.

– Подожди, подожди! – Я выпуталась из его рук и села.

– Вернись...

Я выбралась из постели и завернулась в полотенце.

– Думаю, нам следует пересмотреть этот план.

– Почему? Мы же все решили.

– Да, но я не уверена, что это хорошая идея.

Джона потянулся за моей рукой. Я вложила пальцы в его ладонь. Она была влажной и липкой.

– Это хорошая идея, – напомнил он мне. – Мы любим друг друга, помнишь?

– А мы не можем вместо этого просто посмотреть «Остаться в живых»? – Я забрала у него руку и села за стол перед компьютером. Подвигала мышкой. – Давай посмотрим «Остаться в живых», а это сделаем в другой раз.

Джона закатил глаза и натянул рубашку.

– Ты не должна так меня обламывать.

Мы смотрели телевизор, пока не пришли его родители. При звуках открывающейся гаражной двери Джона громко вздохнул и вылез из постели. Он поставил компьютер на паузу и, топая, спустился в кухню встречать их, оставив меня одну.

Оказалось, его родители собрались поужинать в ресторане. Они переоделись и уехали на весь вечер. Джона сел за компьютер, загружая очередное кино для просмотра. Его дверь была оклеена коллажем из постеров к кинофильмам. Я читала названия. «Сияние». «Реквием по мечте». «Шоссе в никуда».

Бросила взгляд на его лицо, мрачное и все еще немного сердитое.

– Ладно, давай сделаем это.

Он развернул кресло.

– Снова соскочить у тебя не выйдет.

– Я не буду. Я готова. Давай сделаем это.

Секунда – и на его лице появилась широкая улыбка.

Вернувшись в постель, он навис своим обнаженным телом над моим и протянул руку мимо моей головы, чтобы повернуть к себе будильник.

– Двадцать восьмое августа, семнадцать часов двадцать шесть минут, – торжественно провозгласил он.

После того мы сели в автобус и поехали в центр, чтобы отпраздновать это событие в суши-баре. Вот-вот должен был начаться студенческий футбольный матч, и университетский оркестр оккупировал улицу, дую в трубы и распевая гимн. Девушки с волосами, убранными в высокие «конские хвосты», и в золотой униформе вращали жезлы и кружились перед оркестром, оскальзываясь белыми кроссовками по брусчатке.

– Слава! Слава «Колорадо»! – вопили чирлидеры.

Рядом с оркестром остановился автобус, и группа детей, державших в руках черные и золотые воздушные шарик, пронеслась мимо, а вслед за ними поспешали родители.

– Смотри! – Джона сжал мои пальцы, когда мы выходили из автобуса. – Они приветствуют нас.

Меня пробрала дрожь. **Это был хороший секс – потому что я испытала оргазм. Это был плохой секс – потому что, когда все закончилось, я поймала себя на том, что смотрю в окно и плачу.** Джона встал с постели и вы-

шел, чтобы выбросить презерватив, и когда он снова вошел в комнату, я вытерла щеки. Он обвил меня рукой и стал целовать мое лицо.

– Почему ты плачешь?

– Мне грустно.

– Потому что мы больше не девственники?

– Нет... – Я задумалась. – Может быть.

Он снова поцеловал меня.

– Все нормально, не волнуйся. Это хорошо. Мы теперь всегда будем особенными друг для друга.

Он поднялся, чтобы одеться.

Я чувствовала себя грязной. Чувствовала себя мерзкой. Хотелось выползти из собственной кожи и свернуться калачиком. Хотелось вернуть все вспять. Мне нужно было прикрыться. Я выпрыгнула из постели и торопливо натянула одежду, внезапно вспомнив, как мать учила меня, что после секса надо пописать. Я метнулась в ванную и села на унитаз.

Секс стал доказательством моей любви. Тем, что заставляло Джону чувствовать себя особенным. В обмен на секс он позволял мне писать эсэмэски другим парням. Писать им электронные письма. Обнимать других парней на секунду дольше обычного. Секс был уравновешивающим актом: если я давала его Джоне, то могла утолять свою компульсивную жажду обладать властью над другими мужчинами. Если не давала, Джона начинал ревновать. А вместе с ревностью приходила мелочность.

– Ты считаешь, это мило – так делать, флиртовать с Джошем на моих глазах?

Мы с Джоной сидели в моем старом зеленом *Subaru Outback* на подъездной дорожке у его дома. Мы ходили на вечеринку к друзьям, и я провела большую часть вечера на задней веранде, куря сигареты и расспрашивая Джоша о разводе его родителей.

– А почему это должно быть мило? – Я потянулась к ручке, чтобы открыть дверцу и выйти из машины. Джона не шелохнулся.

– Я не понимаю, зачем тебе нужно играть в эти гребаные игры.

Я помолчала, снова откинувшись на спинку кресла, глядя в ветровое стекло. В окне виднелась голова пса Джоны, бордер-колли, он лаял на нас, освещенный уютным теплым сиянием огня в гостиной.

– Какие игры?

– Иза, – заговорил он, – какую бы глубокую, темную, печальную дыру ты ни пыталась заполнить, это не сработает.

– Заткнись! – Я повернулась к двери, открыла ее и вышла.

– Ты знаешь, что это правда. Я – единственный, кто действительно понимает, кто ты такая, – сказал он мне в спину. – А тебе и дела до меня нет. Ты меня даже не любишь.

– Нет, я тебя люблю.

– Я для тебя ничто.

– Джона, я люблю тебя!

– Докажи.

И я смотрела в потолок, не понимая, как то, чего я не хочу, может быть таким приятным. Джона проводил пальцами по ожогам на моем бедре и говорил, что только он может это облегчить. Потом, погружаясь в уныние, что неизменно случалось каждый раз, я пыталась скрыть слезы и гадкое, мертвое ощущение внутри. Я торопливо вскакивала и шла, к примеру, заваривать чай. Что угодно, только бы помочь себе забыть, что моя кожа вся липкая от пота, и кажется, что она хочет слезть с моего тела, чтобы сбежать подальше от меня.

Джона рассказывал мне, как прочел в одной статье, что после выброса окситоцина во время секса возникает ощущение уныния, и советовал принимать витамины, чтобы скорректировать дофаминовый дефицит. Я принимала витамины, гадая, что со мной не так.

Секс вызывал у меня чувство дискомфорта, и чем дискомфортнее мне становилось, тем громче я разглагольствовала. Если мне приходится иметь дело с сексом, то пусть придется и всем остальным. Когда девчонки теряли девственность, я приветствовала их в коридорах жестом «дай пять». Я пыталась заставить своих подруг тоже лишиться девственности. Меня начинали считать потаскухой, и я не хотела быть единственной потаскухой в школе. **Конечно же, я хотела быть лучшей потаскухой, самой «горячей» потаскухой, но не хотела быть единственной.** Я была той, которая учит подруг делать минет. Как попугай зазубривала ста-

тьи из «Космо» и рассуждала о сексуальных позициях. Всегда была охоча до сплетен – кто с кем встречается, кто кому сделал минет, кто принимает таблетки, кто нет. Когда шел дождь, я выгоняла своих друзей на улицу и заставляла их целоваться, потому что нет ничего романтичнее, чем целоваться под дождем. С удовольствием шокировала их, каждый раз доходя до новых крайностей.

На одной вечеринке я сняла блузку. А потом и лифчик.

– Давайте будем естественны! Будем свобо-о-о-одны! – кричала я, бегая по цокольному этажу дома Мэгги, тряся сиськами.

– Иза, а вдруг мой брат спустится!

О, я надеялась, что он спустится! Я надеялась, что спустится ее отец. Я хотела, чтобы все мужчины на свете хотели меня, и для меня не имело значения, что это за мужчины.

Я начала переводить соблазнение парней на новый уровень. Подбила свою подругу Ханну на поцелуйное соревнование, и мы каждые выходные раздавали десятки поцелуев, выпрашивая их у парней и девушек одинаково.

– Я не могу позволить ей выиграть, малыш, – объясняла я Джоне. – Эти поцелуи не в счет, потому что они только ради соревнования.

Мои отношения с Джоной достигли кризисной точки за год до окончания школы. Мы были влюблены друг в друга, в этом не было сомнений, но постоянно ссорились, и манипулирование друг другом постепенно вытеснило всякую

настоящую привязанность. Мне казалось, что единственный способ выпутаться из нашей ожесточенной силовой борьбы – разбить ему сердце. При мысли о разбивании сердца Джоны я ощутила кайф. Я выбрала момент – сразу после того, как он сильно разбился на велосипеде, чтобы сообщить ему эту новость. И не скажу, что мною владело такое уж сильное желание отомстить. Просто хотела, чтобы он был как можно более уязвим и я смогла унести всю свою власть с собой.

Я пожалала плечами, сидя на краю его кровати.

– Просто я больше не получаю удовольствия от того, что я с тобой.

– Что это значит? У меня *сотрясение*. Я сейчас не могу ничем таким заниматься.

– Нет, я имею в виду – вообще. – Я старалась говорить как можно более небрежным тоном. Так получалось жестче.

– Знаешь, это просто несправедливо.

– Ты только и делаешь, что просишь меня позаботиться о тебе. Это утомительно.

– У меня сотрясение!

– Да все у тебя в порядке! Ты просто целыми днями ноешь и хнычешь, лежа в постели.

– Иза, пожалуйста! Я люблю тебя.

– Нам *семнадцать*, Джона. Нельзя воспринимать все так серьезно.

– Пожалуйста, Иза...

Из него словно выпустили весь воздух. Он был малень-

ким, робким, сгорбившимся на кровати рядом со мной, протягивая руку.

– Прости, Джона. Просто так и должно быть. – Я снова пожала плечами, поднялась и пошла к двери.

На его глазах выступили слезы.

– Иза, но я люблю тебя... и ты тоже меня любишь!

– Тогда, наверное, одной любви недостаточно, Джона.

Я драматично простерла к нему руки, послала воздушный поцелуй и вышла.

Когда объявила о своем новообретенном статусе «одиночки», у меня уже был составлен список парней, каждый из которых думал, что будет следующим. Чтобы не нянчить собственное разбитое сердце, я просто металась от парня к парню, тщательно следя, чтобы ни один из них не был тем, в кого я на самом деле смогла бы влюбиться. Мне нужно было как можно больше начал отношений. Я чувствовала себя *наиболее* могущественной как раз тогда, когда парень осознавал, что хочет меня. Именно этот переход – от одноклассницы к объекту желания – вызывал у меня восторг. Быстро меняя бойфрендов, я могла оставаться в этой соблазнительной части отношений неограниченно долгое время. И всякий раз, как парень начинал требовать большего, я находила удобную отмазку.

– Мы с тобой только начали встречаться, – объясняла я, лукаво притискивая руку парня к своей груди. – Мы не можем пока зайти дальше этого, – прикусывала губу, он тихонь-

ко стонал, а я уходила и оставляла его в полной растерянности.

После расставания я не отпускала парня далеко, держала их всех на расстоянии вытянутой руки – ни больше ни меньше – на случай, если мне станет одиноко в два часа ночи. Для этого старалась заканчивать отношения самым жульническим способом из возможных. Затевала мини-ссоры и говорила, что мне нужно пространство. Изменяла, а потом рыдала, поднимала тему невнимательности родителей и говорила: «Мне было просто слишком грустно, и я нуждалась в утешении». Что не было абсолютной ложью – но и чистой правдой тоже. Каждый раз цель была проста: завершить отношения, но сохранить внимание.

Моя репутация вскоре приобрела дополнение – **из просто «безудержной потаскухи» я превратилась в «безудержную потаскуху и разбивательницу сердец»**. Меня начали ненавидеть. Лорен не нравилось, что я разговариваю с ее бывшим. Мэгги не хотела, чтобы я целовалась взад со всеми гостями на ее дне рождения. Ни одна девушка не желала, чтобы я раздевалась в ее гостиной. Райан ненавидел меня за то, что я разбила сердце его лучшему другу, а Миранда перестала разговаривать со мной, потому что я бортунула ее брата спустя всего три недели отношений. Меня перестали приглашать на вечеринки, ночевки и в походы. Я теряла подруг. Они хотели, чтобы я перестала флиртовать с их отцами, и в этом они нуждались больше, чем в моих советах

по выбору ароматизированных презервативов. Я чувствовала себя одинокой, изолированной. И сама начала называть себя потаскухой.

Моя мать восприняла мою новую идентичность невозмутимо. Думаю, это принятие было вызвано тем, что вокруг меня витала смутная аура отчаяния, а не моим желанием казаться крутой. Я обожала разгуливать по дому в нижнем белье и провозглашать громкие заявления, чтобы успокоить себя. «Твоя дочка – очень горячая штучка, ты знаешь?», и «ты родила *такую* секс-бомбу», и «проклятье, мама, я в *по-о-дном порядке*».

Она не смущалась даже тогда, когда я обращалась к ней с «потаскушыми» просьбами. Как в тот раз, когда попросила, чтобы на моем именинном торте была надпись «ШЛЮХА».

– Шлюха? Просто шлюха, и все? – переспросила мать, занеся карандаш над списком покупок.

– Да.

– Не «с днем рождения, шлюха» или, не знаю... «будь счастлива, шлюха»?

– «Будь счастлива, шлюха»? Фу-у! Нет, просто – шлюха. Потому что я и есть *шлюха*, – вздохнула я. – Ты все равно такой не купишь.

И моя дражайшая матушка поехала с этим списком покупок в *Whole Foods*⁸ и уговорила кондитера изготовить «шлюхин торт» для ее дочери. Я ликующе захохотала, когда она

⁸ Американская сеть супермаркетов органических продуктов питания.

церемонно выставила этот торт на зеленую гранитную кухонную столешницу:

– Ну он точно решил, что я *спятила*. Но все же сделал его.

Чем больше становилось парней, с которыми я рассталась, тем сильнее меня ненавидели и тем полнее я принимала свою репутацию. В конце концов, это ведь она делала меня особенной и не такой, как все. С каждым новым бойфрендом я, возможно, теряла друга, но заодно получала новый источник утешения. В этих отношениях я была в безопасности – и была главной. Ни один из парней не отвергал Изу даже после того, как я с ним расставалась.

В смысле, так было до Сэма.

Глава 3. Большинство девушек⁹

Сэм в старших классах вместе со мной занимался латынью. Он был из тех ребят, которые считают, что ходить в тоге и в полный голос декламировать Катутлла – это круто. Отличался театральностью, дурашливостью и при этом острым умом. Он был романтиком, брэнчал на гитаре и писал стихи. А еще он был слегка полноват, ходил в «кроксах» и имел привычку спотыкаться на каждом слове, разговаривая с девушками. Я не имела никакого намерения с ним встречаться. Но, покончив с Джоной, поймала себя на одной мысли.

Сэм был хорошим вариантом по двум причинам. Во-первых, он был ботаником-девственником, который, похоже, не считал руку жалким подобием женщины. Во-вторых, он ни за что не набрался бы храбрости, чтобы попросить меня о сексе. Никогда. Разумеется, я с удовольствием и без всякой жалости дразнила Сэма. Я целовалась с ним взасос часами, но отказывалась заходить дальше. Моя рука проскальзывала в его брюки *как раз тогда*, когда я слышала машину его матери на подъездной дорожке. **Сэм, казалось, пребывал в полнейшей растерянности из-за моей одержимости физической близостью и одновременного отвращения к ней.** Я говорила ему, что не хочу никуда спешить

⁹ *Most Girls* – песня американской актрисы, модели и певицы Хейли Стайнфелд.

– пусть все идет своим чередом, – и упивалась его явным дискомфортом. Его желанием большего и боязнью об этом попросить.

На зимние каникулы Сэм поехал с родителями на Гавайи, а я почувствовала, что наше с ним время подходит к концу. Он хотел, чтобы я стала его девушкой по-настоящему. Он хотел, чтобы я перестала стягивать с себя одежду на вечеринках и флиртовать с другими парнями. Он хотел заниматься сексом. Он был терпелив и, очевидно, собирался ждать, пока я не буду готова. А я и не думала быть готовой. Это был хороший момент, чтобы устроить драму, вызвать у Сэма страх потерять меня. Если он будет думать, что я брошу его, то перестанет просить ускорить развитие событий и будет рад тому, что у него уже есть. Я, естественно, выбрала наилучший вариант действия: сделать фото, на котором сижу на темном кожаном диване, лицо к лицу, нос к носу, с парнем по имени Мэтт.

Мы тусили у Мэтта дома на первом этаже, и Мэгги, которая сфотографировала нас, считала, что в моей идее нет ничего забавного. Мэгги была заводилой в нашей компании. Это она планировала вечеринки, и распускала сплетни, и решала, кому позволено сидеть с нами за обедом в школьной столовой. На вкус Мэгги, я была чересчур неуправляемой, но она не хотела превращать меня во врага.

– Знаете, ребята, Сэм будет в ярости, – предостерегла Мэгги.

– Заткнись ты! Это же смешно, это шутка, – закатив глаза, ответила я.

– Если и шутка, то несмешная. Я ее не понимаю.

– Мэгги, мы же не целуемся на самом деле. Мы соприкасаемся носами. Это другое дело.

Я сидела, оседлав колени Мэтта, лицом к нему, и его ладони лежали на моих бедрах. Как по мне, фотография была идеальной. Я могла заставить Сэма поссориться со мной, позволив ему осознать, что он *может* потерять меня, если не заткнется, и при этом могла заставить Мэтта влюбиться в меня. Я вынудила Мэгги сделать это фото, а Мэтта заставила выложить его в «Фейсбук», вернулась домой и стала ждать.

– Что это, черт возьми, за фотография, Иза?! – кричал мне Сэм из своего отеля на Гавайях.

– Это просто шутка, Сэм. Уймись!

– Шутка? Что ты имеешь в виду?

– Сэм, я говорила Мэтту, что не надо выкладывать эту фотку, я даже не хотела, чтобы ее вообще сделали, ясно? Это шутка. Мы просто друзья, и Мэгги подумала, что это будет забавно. Извини!

– Почему ты так со мной поступаешь?

– Поступаю как?

– *Вот так!* Это фото! Все остальное! Ты вечно вешаешься на парней, которые *не твои парни!*

Я вздохнула.

– Я не виновата, что ты такой закомплексованный, Сэм.

Надо было позволить мне раздеваться на вечеринках, если я этого хочу. Ты мне не хозяин!

На следующее утро Сэм оставил под фотографией комментарий для Мэтта: «Не понимаю, что там у вас происходит, но мне кажется, что следовало бы пнуть тебя в зад с такой силой, чтобы ты забыл, каким концом ешь, а каким какаешь!»

Мэтту понравилось.

Когда Сэм вернулся с Гавайев, я ждала, что он пришлет мне приглашение в гости. Вместо этого он написал, что ему нужно «кое-что переосмыслить». Что, простите?! Я бросила его без всяких церемоний. Да как он смеет!

Пару дней спустя Сэм подъехал к моему дому, чтобы отдать какие-то вещи, которые я ему оставила. «Вещи» оказались одной-единственной книжкой, потертым экземпляром «К востоку от рая» Стейнбека в мягкой обложке. Он стремительно выпрыгнул из материнского «Лексуса» и стоял в конце нашей длинной подъездной дорожки. Я нажала кнопку, открывая медлительные, как черепаха, металлические ворота, и стала ждать его, скрестив руки на груди. Это была даже не моя книга, хотя я говорила ему, что она – моя любимая.

– Это не моя книга, Сэм.

Он немного замешкался, явно не ожидая, что я заговорю первой.

– Можешь оставить ее себе. Она не моя, – повторила я и развернулась, собираясь в обратный путь по дорожке. И

вообще, зачем он приехал? Не может быть, чтобы он до сих пор злился, – ему не положено.

– А ну, погоди секунду! – его голос был хриплым. Тон точь-в-точь как у папаши, отчитывающего ребенка. Я повернулась. Сэм швырнул книгу на землю между нами, и глухой «шмяк» удовлетворил каждую мою клеточку, которая жаждала мелодрамы. – Я понимаю, почему ты советовала мне это прочесть, – сказал он, вызывая меня на ответную реакцию.

– Э-э, почему же? Потому что это хорошая книга? – предположила я.

– Нет!

– Значит, тебе не понравилось?

– Нет... То есть да... То есть это хорошая книга.

Он набрал побольше воздуха и пустился в явно отрепетированный монолог.

– Ты – чудовище! Ты *точно такая же*, как она. Как Кэти. Из этой книги. – Он поджал губы и практически выплюнул мне в лицо остальное: – Во всем твоём теле нет ни единой фибры человечности! – Поскольку книгу он уже на землю швырнул, больше никаких драматических жестов в его распоряжении не осталось, разве что раз за разом тыкать пальцем в воздух. – Ты меня слышишь? ЧУДОВИЩЕ! Прощай навсегда! – и он потопал обратно к машине.

Я подобрала с земли книгу и неторопливо вернулась к гаражу. События «К востоку от рая» происходят в Салинасе, штат Калифорния, в начале 1900-х годов. Кэти выходит за-

муж за главного героя, спит с его братом, стреляет в него, бросает его и перебирается в маленький городок, где становится проституткой и держит бордель, шантажируя мужчин и разбивая им сердца. Хотя Стейнбек буквально описывает Кэти как «чудовище» с «увечной душой», мне она всегда была симпатична. Мне отзывалось ее стремление быть желанной. Она сильная, прекрасная, обожаемая, неуязвимая. Кэти не чувствовала себя виноватой, соблазняя мужчин. Кэти не чувствовала себя печальной и грязной после секса. Кэти не наказывала себя за то, что делала людям больно. Кэти было плевать.

В сущности, Кэти была настоящей шлюхой – а не просто такой, которая пишет это слово на своем именинном торте.

Я что, на самом деле такая, как Кэти? Я такая, как другие проститутки?

Я улыбнулась.

Пошла в библиотеку и набрала книг о проститутках – от биографий знаменитых «мадам» до «Легализация проституции. От незаконного порока к законному бизнесу»¹⁰. Почти в одночасье я стала сторонницей борделей и шлюх и до поздней ночи смотрела «Красотку», закольцевав фильм на повтор. Мне плевать было на ту часть, где Ричард Гир осыпает Джулию Робертс цветами и любовью; меня интересовала та часть, где красотка слишком громко чавкает своей жвачкой

¹⁰ *Ronald Weitzer, Legalizing Prostitution: From Illicit Vice to Lawful Business.*

и высмеивает неумение Гира водить машину.

Она была дерзкой. Горячей. Сильной. Нахальной.

Она обладала той же властью над мужчинами, какой обладала Кэти из «К востоку от рая». Это была та же власть, которой обладали стриптизерши в фильмах, которые я смотрела. Это была способность заманивать мужчин в ловушки, контролировать их, высасывать их досуха.

Но кроме всего этого – это была способность властно привлекать к себе внимание.

* * *

После Сэма я столкнулась с другим аспектом своей сексуальности, а именно – с тем фактом, что меня всегда одинаково влекло как к мужчинам, так и к женщинам. Мне было трудно это принять, и я в основном отталкивала эту свою особенность в сторону, компульсивно встречаясь с парнями. Парни были простой, легкой и ожидаемой добычей. А вот как девушке понять, влюблена ли в нее другая девушка?

До конца школы я продолжала метаться от одного парня к другому, от другого к третьему и постепенно начала задумываться: может быть, причина, по которой я так ненавижу секс, кроется в том, что я не би? Может быть, на самом деле я лесбиянка? И я стала метаться от одной девушки к другой, третьей, четвертой – пока не осознала (довольно быст-

ро), что пол ни на что не влияет. Я по-прежнему обожала соблазнение и ненавидела секс, и после завершения любых отношений всегда, *всегда* в итоге чувствовала себя более одинокой, чем когда-либо прежде. Я несколько раз объявляла целибат – и в итоге неизменно это заканчивалось тем, что я напивалась, становилась одержимой и потной, бросающейся на первого же парня, какой подворачивался под руку. Я была не способна *не* встречаться.

После школы я поступила в Калифорнийский университет в Беркли и стала изучать сравнительное литературоведение. Думала, что, возможно, колледж снизит мою компульсивную потребность в привязанности, но он лишь усилил ее. Я встречалась с рейверами, ковбоями, баскетболистами, с одним наркоманом, сидевшим на метамфетамине, и примерно с семнадцатью инженерами-программистами. Вешалась на шею парню, который продал мне телефон в магазине, кассиру в продуктовом и своему высокому, худому учителю йоги.

Я также бралась за любую работу, какую только могла придумать, надеясь, что одна из них станет *моей*. Моей страстью. Моим всем. Я работала библиотекарем, веб-дизайнером, учительницей английского, закупщицей винтажной одежды, помощницей официанта, продавщицей мороженого, помощницей в художественной студии, няней и копирайтером. Я работала в доме престарелых, в театральной компании, на съемках кино, в издательстве, в стартапе по про-

изводству игрушек. Ни на одном рабочем месте я не задерживалась дольше пары месяцев, а потом искала следующее. Училась в школе медсестер, в аспирантуре, в школе риелторов, в художественной школе. Если попадался какой-то новый вид деятельности, я пробовала ею заниматься, а попробовав, неизменно решала, что это не мое.

После колледжа я оказалась там же, где начинала: в Боулдере. Только теперь это был Боулдер, где жили люди с приложениями сайтов знакомств в смартфонах, и я погрузилась в мир *OkCupid* и *Tinder*. Каждый раз, после того как заканчивалось очередное свидание, я запиралась в ванной и раскаляла булавку. Я не понимала, что со мной не так. Должно быть, я – дьяволица, помешанная на сексе. Другого объяснения не было. Почему не могу удержаться и не соблазнять мужчин, которых не хочу? Почему впадаю в панику каждый раз, когда они пытаются ко мне прикоснуться? Почему не могу просто быть счастливой и нормальной? Я слишком много пила, очень мало спала, и каждый мой день начинался с одного и того же вопроса: что, будь оно все проклято, со мной не так? Мне всегда было мало.

Однажды вечером я тусовалась с Джоной, который приехал в Боулдер навестить родителей. Он жил в Нью-Йорке как бедный художник, и я ему завидовала. Была уверена, что он реализует свои романтические урбанистические мечты, в то время как я застряла в родном городке на минимальной зарплате, продавая итальянскую обувь ручной работы. Мы все

эти годы поддерживали контакт, поскольку каждого из нас мотивировало желание наконец доказать, что он «победил» в наших отношениях. В основном наши нынешние отношения были платоническими, но **дружба была приправлена тем сексуальным напряжением, которое является исключительным достоянием молодых людей, любивших друг друга в школе.** Время от времени Джоне даже удавалось уговорить меня заняться с ним сексом, на что я соглашалась в основном тогда, когда мне что-то было от него надо.

Мы сидели в его старой «Камри», когда он вдруг спросил, не хочу ли я пойти с ним в стрип-бар, поскольку там проходит прослушивание его подруга Кэт.

Я моргнула, проглотив укол ревности.

Его подруга Кэт – или его «подружка» Кэт?

Половина меня вопила «о да-а, бля!», а другая презрительно ухмылялась: «вот шлюха!». То, что в итоге вылетело из моего рта, было неудачной попыткой ответить беззаботно и небрежно.

– Идем... в смысле, если так надо, – сказала я.

– Нам не *надо*, я просто подумал, может, тебе захочется.

– С чего бы мне этого хотеть?

– Тебе же нравятся стрип-клубы... – Джона посмотрел на меня многозначительно.

Ах да, я ведь действительно любила стрип-клубы, правда? Да я их просто обожала! Сколько раз я говорила о том,

как там весело, и как там не испытываешь вообще никакой неловкости, и сколько существует разных способов засунуть доллар в трусики стриптизерши. Я была королевой всего, что имело отношение к сексу, так что, разумеется, я *обожала* стрип-клубы. Да я *жила* стрип-клубами. Стрип-клубы были моей истинной родной душой. Увы и ах, я ни разу не бывала в стрип-клубе.

– Да, только позаботься о том, чтобы у тебя было достаточно долларовых бумажек, потому что сегодня платишь ты, – ответила я.

Джона пожал плечами и зарулил на парковку.

– Пойду сниму наличных.

Он забрал меня вечером, и мы пошли туда пешком – семь кварталов до центра, клуб «Неон». Вход в него прятался в коротком темном тупике, потому что, каким бы прогрессивным и свободомыслящим ни прикидывался мой родной городок, посетителям клуба все равно приходилось входить с заднего крыльца, тщательно скрывая свой позор.

Клуб делил этот тупик с местным дешевым рестораном, полным людей, которые курили и смеялись. Маленькая вывеска отмечала лестницу, ведущую вниз, в стрип-клуб, и Джона заметил Кэт, которая сидела за столиком поблизости. Он стал пробираться к ней. Я последовала за ним, меряя ее взглядом.

Кэт была стройной, даже худой, темноволосой, большеглазой. У нее были тонкие пальцы и бледная до голубизны

кожа. Она то и дело затягивалась сигаретой, и по тому, как она это делала, было видно, что она нервничает. Когда Кэт улыбнулась, здороваясь со мной, я заметила, что ее передние зубы самую малость налезают друг на друга.

О, это хорошо, обрадовалась я. *Я определенно горячее, чем она.*

И ревности как не бывало. Эта девчонка вот-вот выставит себя душой, чтобы нам с Джоной было над чем посмеяться. Идеально. Какой чудесный день среда!

Мы стали спускаться по кирпичной лестнице в клуб, и я скользила вслед за Джоной, следя взглядом за Кэт. Вход украшали тяжелые красные бархатные шторы и плакат с изображением рыжеволосой девицы в розовом белье. *Вечер для дам! По средам коктейли – 1 доллар!!!* – гласила надпись печатными золотыми буквами.

Кэт уверенно прошла между шторами, улыбнувшись вышибале.

– Я на прослушивание, – объявила она.

– Для ваших друзей все равно вход по десятке.

Джона вытащил двадцатидолларовую банкноту и вручил ему. Тот кивнул и проштемпелевал наши запястья красными сердечками.

За шторами обнаружился клуб, темный, тускло освещенный. Потолок был слишком низким, и от этого казалось, что мы очутились в пещере. С одной стороны была барная стойка, бармен заигрывал с посетителями. Длинный язык поди-

ума, вдоль которого с обеих сторон стояли кресла, тянулся на всю длину клуба, заканчиваясь маленькой сценой рядом с будкой диджея, в которой грузный мужчина в футболке с изображением группы *Black Sabbath* и бейсболке играл ремикс Кеши.

Кэт улыбнулась бармену и ушла в служебную дверь ближе к концу зала с табличкой «Только для персонала».

Джона спросил, хочу ли я что-нибудь выпить, и я заказала клюквенную водку. Выпивать в барах все еще было для меня в новинку, и этот напиток первым пришел на ум. «Клюковка» была тем напитком, который заказывали «горячие» девушки в фильмах типа «Секса в большом городе». Джона заказал «грязный мартини», потому что в свой двадцать один год он держался с таким достоинством, которое мне и не снилось.

Это был стрип-клуб не из тех, где можно юркнуть в угол и стеснительно поглядывать на девушек. Хочешь сесть – садись вперед и в центр. В этот конкретный вечер в «Неоне» оказалось около десятка посетителей, и я остро осознавала, что, если не считать стриптизерш и официанток, разносивших коктейли, я была единственной женщиной в зале.

Кэт подбежала к нам, держа вешалку с платьем из кораллового полиэстера – такие платья я считала суперсекси, когда мне было десять лет.

– Представляете, они заставляют меня надеть *вот это!* – и она имитировала рвотный позыв.

Я попыталась улыбнуться ей, но не смогла поймать ее взгляд.

– Ну, пожелай мне удачи. – Она улыбнулась Джоне, коснулась его плеча, а потом убежала в другую дверь с табличкой «приват».

Девушка на сцене заканчивала свое выступление, подбирая доллары с подиума и складывая их в маленький клатч на цепочке. В креслах вокруг подиума сидели несколько мужчин, еще парочка прохлаждалась у барной стойки. Потягивая из бокала «клюковку», я якобы небрежно блуждала глазами по залу, вступая в визуальный контакт с каждым мужчиной, которому случилось посмотреть на меня. Для меня было важно, чтобы они, хоть и пришли сюда смотреть на стриптизерш, думали потом обо мне.

Мы с Джоной прошли вперед и сели во второй ряд от подиума. Зазвучала музыка, и я стала смотреть на Кэт, которая вышла на сцену.

– Джентльмены и леди, прошу вас, приветствуйте Старлу! Старла сегодня проходит прослушивание, чтобы стать одной из наших танцовщиц, так что давайте непременно устроим ей наш фирменный теплый «неоновый» прием! – Диджей сделал музыку громче и кивнул Кэт.

Кэт в туфлях на платформе шла, слегка пошатываясь. Коралловое полиэстровое платье, которое было велико ей размера на три, начало сползать с ее плеча. Она бросилась к шесту, потом посмотрела прямо на Джону. В этих туфлях она

с трудом передвигалась. Я *почти* не хотела на это смотреть. Явно близилась катастрофа.

Кэт взялась за шест левой рукой, восстановила равновесие, а потом рухнула в присед так стремительно и плавно, что это казалось почти нереальным. Поднялась, скользя спиной по шесту, касаясь его только лопатками и ягодицами. Коралловое платье снова начало сползать, и на сей раз она не стала его поправлять. Оно съехало вниз по ее животу, и она провела пальцем от грудинной кости до пупка, чуть оттянув трусики от выпирающей тазовой косточки.

Кэт закинула ногу на шест и опустилась на подиум. И поползла к нам. Я смотрела ей в глаза. Она не моргала. Облизала губы, подмигнула, потом потянулась телом назад, работая бедрами, и это ее движение напомнило мне змею.

Я не могла понять, то ли испытываю влечение к ней, то ли убийственно завидую. Это я хотела быть горячей штучкой. Это на меня должны были все смотреть. Но на сцене была она. А как она двигалась – это было что-то нереальное! Она была слишком бледной, слишком худой, на ней было плохо сидящее платье, но у нее все получалось. Не имело значения, как она выглядела. Единственное, что было важно – она владела собой. Она сбросила платье и пинком отшвырнула его в сторону. Какой-то мужчина издал возглас. Другой засвистел. Она широко улыбнулась.

Она была захватывающей. Могущественной.

Срань господня! Кэт оказалась вовсе не жалкой неудачни-

цей. Она не была даже посредственностью. Кэт была *убийственно хороша*.

Джона ухмыльнулся мне, и я глотнула своего напитка, уже изрядно разбавленного водой.

Попыталась выглядеть невозмутимо. Не получилось.

* * *

Первый номер Кэт был окончен, и она ускользнула за кулисы, чтобы переодеться ко второму. Не то чтобы в этом втором была какая-то нужда: уже после первого стало ясно, что для «Неона» будет большой честью, если она станет в нем танцевать.

Джона ушел в туалет, а я под села к стойке. Мне до зарезу нужно было выпить еще. Мною владела растерянность. Я оказалась рядом с мужчиной средних лет, нервным, слишком полным. Мой тип мужчины. Тот тип, ради которого мне не пришлось бы лезть из кожи вон.

– Привет, я Иза.

– Я Гэри. – Он подозрительно впился в меня глазами. Я была, наверное, раза в два моложе его, и он пытался понять, работаю я здесь или нет.

– Ты как думаешь, я горячая штучка, Гэри?

– Э-э... Да, а что?

Я улыбнулась и прикусила соломинку.

– Как-то неуверенно ты это сказал. – Я смерила его взгля-

дом.

– Нет... В смысле, конечно, ты горячая штучка. Определенно! Ты здесь танцуешь?

– Не-а. – Я вздохнула и глотнула коктейля. – Однако могла бы и танцевать, как тебе кажется? Я могла бы быть стриптизершей.

Гэри с энтузиазмом закивал.

– О, совершенно точно!

– По крайней мере, я горячее, чем последняя из выступавших девушек. – Я дернула плечом в сторону сцены, которую только что освободила Кэт.

– Да, так и есть. Наверняка.

Я приобняла Гэри, вознаграждая за похвалу.

– Ага. Если ты хочешь порепетировать, я мог бы помочь, – предложил он.

Такие стриптизерши, как Кэт, были воплощением уверенности, чувственности, непринужденности. Кэт не была в тайном ужасе от своей вагины; она прямо и недвусмысленно совала ее прямо в лицо мужчинам, и они не могли не запыливать доллар за долларом за тонюсенький лоскуток ткани, эту вагину едва прикрывавший.

– Мне пришлось бы поучиться танцевать. Но эта девица и танцевать-то едва умеет. Спорим, я могла бы не хуже!

Гэри заказал мне еще порцию «клюковки».

– Если хочешь, можем поехать ко мне домой. Я могу давать тебе указания! – От этой мысли он просиял. – Я часто

сюда хожу, знаешь ли. Почти каждый вечер. Много стриптизерш повидал.

Когда Кэт вышла на второй номер, взгляд Гэри зашарил по ее телу. Я принялась сверлить гневным взглядом его макушку. Он заметил это и полыхнул щеками. Я приняла зрелое, взрослое решение – не беситься и не выплескивать напиток ему в лицо.

– Да, ты могла бы танцевать. Из тебя вышла бы хорошая стриптизерша, – предпринял еще одну попытку Гэри.

Он был прав. Я была бы хорошей стриптизершей. И эскортницей была бы хорошей. В сущности, я была такой же, как Кэти, в конце-то концов. Как Джулия Робертс в «Красотке». Мне *на роду было написано* соблазнять мужчин. Черт, может быть, я бы даже не ненавидела секс, если бы мне за него платили! Я думала об эскортницах, которых видела в кино. Даже если они занимались с клиентом сексом, они делали это не для того, чтобы доказать свою любовь или укрепить отношения. Это была просто работа, и если бы я решила стать эскортницей, секс был бы таким же: транзакционным, бесстрастным.

Вспомнила мантру героини Джулии Робертс в «Красотке»: «Я решаю, с кем. Я решаю, когда. Я решаю, за сколько».

Опрокинула еще одну стопку, которой угостил меня Гэри, и, спотыкаясь, побрела к Джоне, который уже вышел из туалета и задержался у черного хода клуба. Он хотел выйти на улицу покурить, и я потащила его вслед за ним вверх по

лестнице.

– Джона!

Он оглянулся на меня и рассмеялся.

– О, да ты набралась!

– Джона, послушай меня! Джона!

Джона прислонился к стене и прикурил сигарету. Он был болезненно хладнокровен и собран по сравнению со мной – сентиментальной пьяной задницей.

– Джона! Я все поняла, я решила загадку...

– Какую загадку?

– *Такую!* Загадку моей жизни. Всей моей гребаной жизни! – Я перевела дух. – Джона, я тоже хочу быть стриптизершей. Мне нужно быть стриптизершей. Может быть, даже проституткой. – Трезвая часть моего мозга была тревогу, твердя мне, что я пьяна в дымину. Но пьяной части было море по колено.

– Ладно, как хочешь.

– Нет, Джона, послушай меня-а... Это и есть ответ!

– Ответ на что?

– На все! Джона, это ведь так логично! Гэри думает, что у меня хорошо получится. Как думаешь, у меня хорошо получится?

Джона вздохнул и прислонился затылком к стене.

– Гэри?

– Ага, – фыркнула я, рассердившись на него за то, что ему, похоже, было наплевать.

– Джона, получится?.. У меня хорошо получится?

Джона откинул назад кудрявые волосы и, казалось, призадумался.

– Да, у тебя хорошо получится. – Он вытащил еще одну сигарету, холодно глядя на меня. – У тебя *уже* восхитительно получается кидать мужчин.

Замерзшая, осоловевшая, я сидела на пожарной лестнице позади Джоны и смотрела, как люди смеются и курят в продуваемом ветром переулке. Я могла бы взять свои таланты в области соблазнения и превратить их в профессию. Это могло бы быть способом решения моей проблемы: любви к соблазнению и ненависти к сексу. Секс и раньше ощущался для меня как работа. Я наконец собиралась это признать. Вот оно: я стану секс-работницей.

Снова и снова я шептала свою новую мантру: *Я решаю, с кем. Я решаю, когда. Я решаю, за сколько.*

Глава 4. Мужчина на миллион долларов¹¹

Через пару месяцев после похода в клуб «Неон» я перевернула новую страницу своей жизни. Бросила пить, обкорнала волосы и целиком отдалась поискам способа попробовать себя в секс-индустрии. Была вторая половина дня понедельника, и в обувном магазине, где я работала, было пусто, как на кладбище. В моменты такого затишья мы с Хизер, управляющей магазином, часами снова и снова вытирали пыль, мерили обувь на высоком каблуке и развлекались, устраивая драматические чтения раздела личных объявлений на *Craiglist*.

Хизер, изображая жеманный британский акцент, начала читать одно из объявлений.

– «Если вы понимаете физиологию знакомства со своим тылом...» – прочла она и тут же добавила: – А что это вообще значит? Трогать собственную задницу?

Я шлепнула себя по ягодице.

– Уверена, он считает себя аристократом, потому что говорит «тыл» вместо «зад».

Хизер переключилась на другое объявление.

– О, вот это смачно! Готова? – Она изобразила дрожащий

¹¹ *Million Dollar Man* – песня Ланы Дель Рей.

стариковский фальцет и согнулась, опираясь на воображаемую трость. – «Семидесятичетырехлетний мужчина ищет женщину для баловства. Привлекательность и отсутствие вредных привычек обязательны. Могу обеспечить 1000 долларов в месяц на карманные расходы. НИКАКИХ ПРОСТИТУТОК!» – последнее требование Хизер выкрикнула во весь голос и зашлась хохотом. – Интересно, сколько раз ей придется заниматься с ним сексом? Он буквально напрашивается на проститутку. Разве он сам этого не видит?

– Речь о *сладкой детке*, содержанке, а не проститутке, – поправила я. – В смысле, чисто технически она не обязана заниматься с ним сексом.

– Интересно, а у семидесятичетырехлетнего мужика вообще сил-то хватит на секс? – Она рассмеялась. – Иисусе, да он витает в облаках, если думает, что девушка станет этим заниматься!

Особенно за тысячу баксов в месяц, хотела я сказать, но Хизер уже декламировала следующее объявление, старательно подражая русскому акценту.

Тем вечером я сидела на надувном матрасе в своей крохотной съемной комнатке. Я снова открыла *Craiglist* и внимательно изучила пост, найденный Хизер. Потом забила в поисковую строку слова «сладкий папик». Экран заполнил десяток сайтов знакомств для богатых покровителей. Возможно, иметь «сладкого папика» лучше, чем танцевать стриптиз. Даже легче. Соблазнять только одного мужчину. Один гаран-

тированный денежный чек в месяц. И танцевать учиться не придется. Иметь богатого покровителя – это не так официально, как стриптиз, не так незаконно, как проституция, и не так безвозвратно, как порно. Что-то вроде роли Патрика Демпси в «Женихе напрокат». Все, что нужно сделать – это зарегистрироваться онлайн.

«54-летний ищет единорожку».

«Женатый мужчина ищет свою принцессу».

«Едем путешествовать по миру! Пятизвездочные курорты включены».

Профили на сайте содержали все то, чего ожидаешь от профиля на сайте знакомств: имена, возраст, место жительства, предпочтения, любимую музыку, любимые фильмы. Еще они содержали раздел «карманные деньги» – или сколько пользователь готов платить своей «сладкой детке».

Предлагаемые суммы варьировались в широком диапазоне. Пятьсот долларов в месяц за свидания раз в неделю, «только ужин». Тысяча – за «тайные удовольствия в отеле». Пять тысяч – за «подругу с проживанием» – бесплатный «Ауди» включен! Самые богатые мужчины предлагали поддержанке от десяти тысяч и больше ежемесячно, некоторые обещали купить ей машину, снять квартиру, выплатить студенческие долги. Одни писали, что рассчитывают на секс, другие – что хотят, чтобы все «развивалось естественно;»». Третьи утверждали, что им просто нужна «красивая спутница».

Я просмотрела их фото. Эти мужчины были *старыми*. В смысле, старше моего папы.

Я присмотрелась к одному из них. Университетский преподаватель на пенсии. Шестьдесят восемь, хочет найти свою Афродиту. Я представила его в постели. Старческая гречка, большой живот.

Кликнула по другому фото. Лысый, в темных очках, чересчур белые зубы в улыбке. Пятьдесят три, по блондинке на каждом локте. Вероятно, тот еще мерзавец.

Следующий – тот, которому шестьдесят один, желал «тайных» удовольствий за спиной жены. Поэтически излагал достижения своей дочери в колледже. Хотел «хорошую университетскую девочку».

Мерзость.

Нет. **Я должна была перестать думать об этих мужчинах как о личностях. Все они одинаковы. Они хотели платить кому-то, кто будет их любить.** Говорить им, что они привлекательны. Что они важны. Это была *работа*, а не отношения.

Я вскочила и стала рыться в шкафу. Другие девушки на этом сайте были просто бомбическими. У них были высветленные пряди, идеальные зубы и наманикюренные ноготки. Я уставилась на себя в зеркале, отметив отросшую стрижку-пикси и крупный нос. Выкопала из шкафа свой самый взрослый прикид: белые джинсовые капри и голубую блузку с воротничком из шамбре. Надела сразу два лифчика и

расположила ляжки так, чтобы их не было видно. Прилизала гелем волосы и уложила челку. В несколько слоев нанесла тушь.

Обвела взглядом комнату. Она определенно выглядела как комната типичного безденежного миллениала: сваленная кучами одежда и надувной матрас занимали большую часть площади пола. Увы, такого преимущества, как «горячая университетская студенточка» у меня не было, так что пришлось выбрать образ горячей искушенной интеллектуалки. Я поставила матрас на пол, чтобы было видно боковину шкафа, который, я надеялась, сойдет за шикарную деревянную ширму.

Пин. Пин. Пин.

Photo Booth отсчитывала время, которое у меня осталось до того, как будет сделан снимок. Надо было подобрать себе интересы, близкие тому типу мужчин, который был мне нужен: закомплексованным, умным, предпочтительно любящим сериал «Звездный путь». Уверенные в себе меня страшили. Мне нужен был кто-то, кто в меня влюбится. В разделе «музыка» я указала группы *REO Speedwagon* и *Gipsy Kings*. В главной строке написала качества – «умная, классная, веселая». Тонко намекнула на свой диплом Беркли со специализацией «сравнительное литературоведение», заверила, что хочу найти «истинный контакт» и человека, с которым «буду действительно с удовольствием проводить время». В графе «карманные деньги» выбрала вариант «по до-

говоренности».

Неделю спустя я загрузила свои новые фотографии, создала профиль и уже успела пролистать сотни чужих. Наконец, нашла свою первую цель: сорокапятилетнего программиста-предпринимателя по имени Алекс. У него было ожирение, четверо детей и развод «в процессе». Он казался человеком умным, что мне понравилось, и к тому же не полным женоненавистником. Он хотел «настоящего контакта» и «не был заинтересован в том, чтобы платить за секс». Многие профили перечисляли качества, нежелательные для претенденток, как то: «жирным не беспокоить», «болтушки не приветствуются» и «ты не должна быть умной, но обязана иметь хорошее тело». Многие из этих мужчин в профилях утверждали свое превосходство. Они давали ясно понять: если ты – их «сладкая детка», то они тобой *владеют*. И это являлось прямой противоположностью тому, что было нужно мне. Алекс, казалось, был не уверен в себе, не уверен в том, зачем он вообще пришел на этот сайт. В последний раз он выходил онлайн шесть недель назад. Может быть, уже опустил руки. Это был идеальный момент для появления девушки его мечты. Я послала ему сообщение.

Он ответил спустя считанные минуты.

Его беспокоило то, что я так молода (в конце концов, я была всего на год старше его старшего сына). На него произвело впечатление то, что мне нравится музыка восьмидесятых, и он спросил, читала ли я «Первому игроку пригото-

виться». Я сообщила ему, что это моя любимая книга, одновременно торопливо роясь на сайте *SparkNotes*¹². Ему нравился футбол, особенно «Мичиган», и он вырос в Детройте, где поначалу работал на побегушках у отца, автомобильного дилера. Заработал свои первые пятьдесят миллионов еще до тридцатилетия. Я написала, что терпеть не могу футбол, зато обожаю машины, особенно винтажные «Мустанги». Он в ответ написал, что у меня хороший вкус.

Я ответила, что это очевидно: в конце концов, я же написала ему.

Алекс очень четко объяснил, почему он зарегистрировался на этом сайте. Его жена изменяла ему последние одиннадцать лет. Их развод должны были признать окончательным через два месяца, и он в отместку хотел завести интрижку прежде, чем их разведут. Но не хотел, чтобы эта интрижка была просто сделкой. Ему важно было найти человека, которого он будет уважать, к которому будет равнодушен. Я сосредоточилась на его мотиве: месть? Интрижка? *За деньги?* Это внушало осторожный оптимизм.

Через пару дней я стояла у ресторана с «эликсир-баром», оценивая свой макияж в отражении на витрине. В заведении подавали настоящую на кристаллах комбучу и «эликсиры» на травах: как же, как же, ведь если замочить в тонике ро-

¹² Компания, основанная студентами Гарварда Сэмом Яганом, Максом Кроном, Крисом Койном и Эли Болотиным в 1999 году; первоначально предоставляла учебные пособия по литературе, поэзии, истории, кино и философии.

зовый кварц, это сделает газировку целительной! Я никогда прежде не была в этом ресторане и не знала никого из тех, кто там работал, и именно этим был обусловлен мой выбор.

Алекс был не просто жирным и старым. Он оказался полным придурком. Явился в кроссовках на липучках и очках в проволочной оправе, в рубашке поло и джинсах, которые вышли из моды годах этак в девяностых. Он обильно потел, и, пока пожимал мне руку и здоровался, я заметила, что его мучила одышка. Его ладонь обволокла мою пленкой пота, и я едва подавила порыв отереть ее о джинсы.

Я пожала ему руку, потом, сделав над собой усилие, обняла его. Встречаться с застенчивыми ребятами в школе – одно дело. А это было совершенно другое. Я обвела взглядом ресторан, надеясь, что люди примут этого мужчину за моего дядюшку или, может быть, даже отца. Это определенно было самое странное собеседование по поводу приема на работу, какое случалось в моей жизни, хотя Алекс настойчиво именовал его свиданием.

– В жизни ты выглядишь старше, – сказал Алекс. Потом торопливо добавил: – Я имею в виду, в хорошем смысле.

– Ага, на фотографиях я такая девочка-девочка... – Я бросила взгляд на лежавшее передо мной меню.

– Тебе взять что-нибудь выпить? – спросил Алекс. – Я помню, ты говорила, что уже поела, но, если проголодалась, можешь заказать и что-нибудь из еды.

– Нет, не нужно. Я буду только зеленый чай, – закрыла

мению и попыталась небрежно пустить его через стол. Оно соскользнуло с другого конца столешницы и плюхнулось на пол.

Алекс явно не ожидал такого конфуза и наклонился, чтобы подобрать его.

– Ты не хочешь выпить?

Я всмотрелась в его лицо, ища в нем признаки надежды на то, что я упьюсь в хламину и он сможет с легкостью уволочь меня к себе домой. Никаких таких признаков не было. Он затаил дыхание. Он хотел, чтобы я не пила. Я решила быть честной.

– Я трезвенница, – сказала я. – Бросила пить пару месяцев назад.

– О, какое облегчение!

– Правда?

– Очень многие девушки с этого сайта упиваются до полусмерти, когда ходят на такие свидания. – Он сделал паузу и жестом подозвал официантку. – Моя жена – алкоголичка... Ну, в смысле, будущая бывшая жена. Мне следовало бы привыкнуть говорить именно так.

Подошла официантка, и мы заказали два зеленых чая.

– Моя мама тоже алкоголичка, – призналась я, глядя вслед уходящей официантке. Еще было слишком рано переходить к той части моего метода соблазнения, где надо «раскрывать тайную уязвимость», но я не была уверена, что хочу соблазнить этого мужчину.

Алекс немного помолчал. Потом потянулся к моей руке.

– Это очень смело с твоей стороны, – сказал он. – То, что ты не пьешь.

Я кивнула и велела себе расслабиться. Оставила свои пальцы в его ладони.

– Спасибо. А ты пьешь?

– Нет, но только из-за веса. Пытаюсь сбросить. – Он печально махнул рукой на свое тело. – Я знаю, что это отвратительно.

– Вовсе нет, – солгала я.

– У меня четверо детей... я знаю, что уже упоминал об этом. До этого момента я не сознавал, насколько моя жизнь связана с ними и с попытками сделать счастливой мою жену. Новый дом побольше, новые шмотки, всегда еще что-то... И вот я пытаюсь для разнообразия сделать что-то для себя. Стать здоровым. – Его глаза на миг сосредоточились на мне, потом снова уперлись в стол.

Я наклонилась вперед и сжала его пальцы, ощущая невероятное желание утешить этого мужчину.

– Просто раньше тебе было на чем фокусироваться: дети, жена... теперь пришло время сосредоточиться на себе. – Я прикусила губу и постаралась придать себе манящий вид. – Получи развод, найди себе молодую подружку... – Я хихикнула. Прозвучало фальшиво. Даже слишком.

Он словно не заметил. Его взгляд был устремлен в окно, выходящее на городскую улицу.

– Да... – Он посмотрел на меня. – Ты права. Иногда мне необходимо это слышать.

Я скромно улыбнулась.

– Просто делаю свою работу.

По окончании собеседования он проводил меня к моей машине. Вручил конверт, в котором были полторы тысячи долларов наличными – первая половина суммы, которая, как мы решили, будет моим ежемесячным содержанием. Я взяла конверт нерешительно, не понимая, хочу я брать эти деньги или нет. Если хочу, то мы начнем встречаться. Мы будем ужинать в ресторанах, ходить в кино, ездить в поездки. И если мы в итоге дойдем до секса, так тому и быть. Алекс дал ясно понять, что он не из тех мужчин, которые платят за секс. Он хотел, чтобы я занималась с ним сексом потому, что хочу этого. Он смотрел на меня сверху вниз, потный и полный надежды.

Я поцеловала его в губы. Он свалился с тротуара. Мы пожелали друг другу хорошего вечера.

Через пару часов он позвонил мне.

– Я просто хотел сказать, учитывая, насколько личное у нас сегодня получилось общение...

– Да?

– Ты молода. Я не хочу, чтобы ты в меня влюбилась. Наши отношения – просто сделка, – объяснил он. – Я хочу, чтобы ты это понимала.

Мне показалось, что искра пробежала по моему позвоноч-

нику. И я рассмеялась.

– О, на эту тему не волнуйся, – сообщила я ему. – Это ты в меня влюбишься.

Вот ведь придурок, а?! Пошел к черту! Вызов в его голосе разбудил во мне азарт. Он будет моим шедевром. Я поставлю этого богача на колени и выдою из него все, чего он стоит.

За следующий месяц Алекс подарил мне квартиру с одной спальней, *BMW*-кабриолет и новенький *iPhone*. Я подарила ему внимание, валидацию и первый минет за последнее десятилетие. Я сидела рядом с его голым телом и смотрела на пенис, едва выглядывавший из-за брюха. Ощущения были такими же, как при любом другом половом акте, какой случался у меня в жизни. Мои колени тонули в его ортопедическом матрасе. Прошло уже несколько недель. Еще пара дней, и его бракоразводный процесс закончится. Пора было подарить ему ту интрижку, которой он хотел. Он тихонько застонал, сжимая мою талию. Я встала на колени над его телом и посмотрела ему в глаза.

Он почти заскулил. Это возбуждало. Сейчас я взорву его разум. Мне не было никакого дела до того, что он жирный и старый. Ощущения были ровно такими же, как с любым другим партнером – разве что на сей раз я получала плату, и Алекс действительно был *очень* благодарен. Я облизнула губы. Ты можешь это сделать. Просто улыбайся и терпи.

Я наклонилась.

Ладно, не думаю об этом. Думаю о том, что я буду потом

есть на ужин.

Алекс застонал.

Нет, это слишком близко к происходящему.

Подумаю о том, что мне нужно купить в *Target*. Зубную пасту. Может быть, имеет смысл выбрать с каким-то другим вкусом. Корица? Не, вроде гадость какая-то. Алекс испустил протяжный вздох. Или фруктовая жвачка? Как-то странно, что выпускают зубную пасту со вкусом жвачки. Разве от этого дети не начинают чаще ее есть?

Алекс начал поддавать бедрами к моим губам.

У меня была подруга, которая постоянно ела зубную пасту. Ее звали Мишель. Алекс зарычал.

– О боже! – пробормотал он.

Да, Мишель ела много зубной пасты. И я совершенно уверена, что та паста была еще и с блестками. Зубная паста Барби. А может быть, это были просто вкусовые гранулы? Кстати, а что это вообще такое – вкусовые гранулы?

Алекс заскулил.

По-моему, это как-то безответственно – класть настоящие блестки в зубную пасту. Может быть, это была слюда? Абразивные блестки? Может, в этом все дело?

Я накрыла ладонью яйца Алекса.

Кажется, обычно они используют кремнезем. Песочек. В любом случае с абразивной пастой лучше не перебарщивать. Не хотелось бы стереть зубы под ноль.

Алекс в последний раз поддал бедрами, его член ударил в

заднюю стенку моей гортани. Алекс кончил, я выпрямилась и отерла губы простыней.

Может быть, попробую все-таки со вкусом корицы.

– Что такое вкусовые гранулы? – спросила я его, промокнув лицо футболкой, которую он с себя сбросил.

– Что?

– Ну, знаешь, такие штучки, что кладут в зубную пасту. Что они такое?

– Не знаю. – Алекс хохотнул, потянулся за полотенцем. – К сожалению для тебя, как я понимаю.

Я решила, что секс такого рода не очень-то и плох.

Мы с Алексом начали делать все вместе. Он заказывал мне на дом продукты, когда мне было слишком лениво шататься по магазинам. Я честно страдала во время футбольных матчей и с готовностью носила джерси с символикой, которые он мне дарил. Он возил меня делать педикюр и сам усаживался в педикюрное кресло.

– Слишком мало на свете мужчин, которые понимают, насколько важен педикюр, – говорил он.

Я пересказывала ему все сплетни и драмы из своей жизни, потому что он всегда безоговорочно принимал мою сторону.

– А потом Люси сказала, что я на нее орала, да только вот я на самом деле не орала...

– Непохоже, что ты могла орать.

– Я знаю! Но она не разговаривала со мной три дня.

– Ты заслуживаешь лучшего, Белль.

Он называл меня Белль, собственным личным уменьшительным от моего полного имени – Изабелла. И, как выяснилось, Алекс все-таки влюбился в меня. Мы лежали в постели в Вейле¹³, куря кальян с травкой. Я любовалась новым набором колец, который он мне подарил, и думала: может, стоило попросить три, а не два?

– Помнишь, что я сказал тебе в тот первый вечер, когда мы познакомились?

– Хм-м? – Я сделала вид, что никак не вспомню.

– Я попросил не влюбиться в меня.

– А я сказала тебе – не влюбляйся в *меня*, – поддразнила я.

– Нет, ты сказала, что это я влюблюсь в тебя.

Я улыбнулась. Итак, момент истины.

– Так вот, я влюбляюсь в тебя, Белль. – Он потянулся поцеловать меня.

Я ответила на поцелуй.

– Я тоже тебя люблю, Алекс.

И это была правда. Какая-то часть меня его прямо-таки обожала. Но я не была в него влюблена. **Я на самом деле никогда не была влюблена ни в кого, за исключением Джоны, и в этом была некая гарантия безопасности.** Алекс на самом деле не знал меня.

И все же Алекс был веселый, и умный, и добрый. И он дарил мне столько внимания, что больше и желать нельзя.

¹³ Город и горнолыжный курорт в Колорадо.

Он всегда говорил мне, как ему приятно входить в ресторан, держа меня за руку, или регистрироваться в отеле, когда я вижу у него на локте. И я получала внимание не только от Алекса, но и от своих друзей, которые были одновременно и шокированы, и впечатлены тем, что я решилась на такой смелый шаг, как встречаться с мужчиной за деньги.

– Разве ты не беспокоишься? – спрашивала меня Симона, забирая со стойки две порции матча латте по шесть долларов, которые я заказала для нас. Я бросила баристе полтинник, позаботившись о том, чтобы она это видела.

– Беспокоюсь – о чем?

– Не знаю – например, что он ненормальный или что-то вроде?

– Это ровно то же самое, что встречаться с любым другим мужчиной, с которым познакомилась через Интернет. Ты же сама не вылезает из «Тиндера»!

– Да, но этот мужик такой... *старый* (читай – жирный).

– Ага. Но он очень хороший. Ему небезразлична моя жизнь. Знаешь, я как раз на днях рассказывала ему о тебе и о том, как ты ненавидела...

– Ты *рассказала* ему обо мне?!

– Ну... э-э, да. Ты же моя подруга. Мы много о чем разговариваем.

– Как-то мне некомфортно из-за того, что ты рассказываешь ему обо мне!

– Почему?

– Не знаю. Он странный.

– Он не странный, Симона. Я собиралась предложить тебе пойти со мной в спа по карте, которую он мне подарил, но не сделаю этого, если ты будешь осуждать его, даже не будучи с ним знакома!

– Ну и подумаешь! Это же не я занимаюсь с ним сексом за деньги. Не нужны мне его подарочные карты!

Да и ладно. Мне больше достанется. Алекс обеспечивал меня всем, что требовалось: и в материальном плане, и вообще. Когда я уставала или грустила, я могла свернуться калачиком на кожаном диване у него дома и смотреть подряд все серии «Отчаянных домохозяек» на его восьмидесятидюймовом экране. Я могла продолжать ходить на свидания с другими мужчинами (при условии, что не буду с ними спать). И если я хоть на секунду задумывалась о том, что мне чего-то хочется, это «что-то» появлялось – даже когда оно мне на самом деле не было нужно.

Однажды мы с Алексом были в *Nordstrom*¹⁴, искали подарок для его тринадцатилетней дочери. Он попросил меня помочь, потому что, по его словам, у нас с ней был похожий вкус. Хотя я и пыталась объяснить, что его дочь – девочка популярная и стильная, а я хожу в основном в шлепанцах и штанах для йоги, покрытых не отстирывающимися пятнами.

– Да, но на тебе эти штаны для йоги выглядят на миллион баксов!

¹⁴ Американские магазины высококачественной модной одежды.

– Да это потому, что они почти столько и стоят, – возразила я. – Это же «Лулулемон»¹⁵.

– Это я за них заплатил?

– Конечно.

Я взяла в руки кожаную курточку марки *Vince*, сшитую из ягнячьей кожи.

– У Наташи их уже четыре штуки, этих кожаных курток, – сказал Алекс, разглядывая ее. – Но тебе бы пошло.

Я примерила куртку, покрутившись на носочках.

– Мне в ней уютно... – Я тут же реабилитировалась и вернула ее на вешалку. – Хотя она мне не нужна.

Как я постепенно вычислила, это было главным в подходе к Алексу. Ему не надо было говорить, что он особенный. Важно было ни в чем не нуждаться. Он был мягким человеком с глубокой патологической потребностью заботиться о других. Когда его дочь захотела билеты на Дрейка, он открыл новую карту *AmEx* и потратил пять грандов, чтобы гарантированно войти в особую очередь на предварительную продажу билетов. Он заботился обо всех людях в своей жизни в ущерб самому себе. Я была тем единственным человеком, который говорил, что ему (мне) ничего *не* нужно. Я *не* хотела, чтобы он покупал мне очередное украшение вместо билетов на футбол, которые хотел сам.

Так что, конечно же, я получала это украшение.

Я получала украшение, потому что Алекс хотел, чтобы я

¹⁵ *Lululemon* – американский бренд шикарной спортивной одежды.

была счастлива, и, открыв коробочку, визжала, вопила и говорила ему, что *ни за что* не смогла бы принять такой подарок. Я получала украшение, потому что мне не *нужно* было это украшение, и я никогда его не требовала. Алекс был покорен. Я говорила ему, что я с ним потому, что наслаждаюсь его обществом. Содержание было мне *нужно* только для того, чтобы как-то жить. И это была правда. Мне *нравилось* тусить с Алексом. Нам было весело вместе. Когда я в час ночи сказала ему, что хочу поехать в «Уолмарт», чтобы купить смесь для выпечки кукурузных кексиков, он удовлетворил мою просьбу и шлепал меня по заднице, пока я катила тележку по пустым рядам, распевая *Barbie Girl*.

– Ты чокнутая, – смеялся он, запыхавшись, пытаясь попеть за мной. – Рядом с тобой никогда не бывает скучно.

К сожалению, скучно *начало* становиться мне, когда первоначальное приятное возбуждение от наличия «сладкого папика» несколько потускнело. Конечно, я могла оплачивать счета. У меня была славная квартирка, крутые шмотки и сверкающий новый *iPad*. Но я не была удовлетворена. Это было не то, чего я хотела от секс-работы. Когда мы начали встречаться, меня в этом привлекала возможность заставить богатого мужчину намного старше меня подпасть под мои чары. И теперь, когда это случилось, этого оказалось недостаточно. Во мне продолжала жить та гложащая тьма, которая хотела чего-то еще, *нуждалась* в большем. Мне нужно было кормить это чудовище. Роль содержанки больше не

ощущалась как работа. Это была просто моя жизнь. Секс с Алексом был таким же, как секс с любым другим мужчиной. Ни лучше, ни хуже. Это были механические действия, которые я выполняла потому, что этого от меня ждали, и я поймала себя на том, что избегаю секса с ним при любой возможности: мои месячные были таинственно затянутыми, у меня случались мигрени, я не могла общаться по нескольку дней подряд.

Однажды вечером мы с Алексом ужинали, и я выразила свое общее недовольство всей этой ситуацией.

– Мне просто нужно делать что-то со своей жизнью, понимаешь?

Он кивнул. Он и так подбивал меня начать какой-нибудь бизнес, утверждая, что я слишком умна, чтобы просто жить у него на содержании. Я даже начала возвращаться в веб-дизайн – работу, от которой отказалась после того, как решила, что это сплошное болезненное разочарование.

– Просто не знаю, что мне делать. – Я пригубила напиток. – Хочу заниматься чем-то *интересным*. Ты понимаешь – не создавать опять вебсайты. Моя подруга Кэт – стриптизерша. – Я поискала реакцию на его лице. – Мне кажется, у нее интересная работа.

– Стриптиз – это ужас, – ответил он. – Заметь, это говорит тебе мужчина, которому нравится стриптиз. Поверь мне, в этой сфере полным-полно извращенцев и мужиков, которые всю ночь норовят тебя облапать. Это тяжелая работа.

– Да, я догадываюсь.

– А вот камминг – это да, там настоящие деньги.

– Камминг?

– Ну да, ты, наверное, в курсе – камгерлз, – и он положил в рот творожный сырок. – Ты никогда не слышала о камгерлз?

О веб-моделях?

– Камгерлз? – Я подалась вперед. – Что это такое?

Алекс вытащил телефон, открыл веб-страницу и передал его мне.

Женщина под псевдонимом Королева Молли сидела в ванне. Над шапкой пены были видны только ее шея и голова. У нее были большие зеленые глаза и длинные каштановые волосы. Ее улыбка была слишком широкой, и она смеялась, пытаясь сделать глоток из винного бокала исполинского размера.

– Ну все, *все*, я сказала... – утихомиривала она своих зрителей. – *dPop* пишет, что хочет историю о единороге, так что сейчас будет история. – Она примолкла, читая с экрана перед собой. – Да мне *по барабану*, что единороги в моде! И это хорошо, *Fizz*. – Она отпила еще глоток вина. – Нет ничего плохого в том, чтобы быть банальной сучкой.

Королева Молли села ровнее, вся в пузырьках, и плюхнула горсть пены на макушку наподобие короны. Та стекла ей на лицо сбоку, попав в рот, отчего она закашлялась.

– Королева Молли говорит – а ну, тихо!

Она снова рассмеялась. Послышался ровный поток зво-

ночков – это зрители награждали ее жетонами. Она громко зашипела.

– А ну, хватит швыряться деньгами! Я тут пытаюсь рассказать историю!

Звон чаевых затих.

– Ладно, итак, когда-то давным-давно жил-был единорог по имени Билл, – начала она. Звон монеток послышался снова. Она разразилась смехом. – Прекратите! Эй, ребята! Фу, как невежливо. – По мере того как сыпались жетоны, ее глаза разгорались все ярче. Я увеличила звук динамика. Алекс торопливо обвел взглядом ресторан.

– Ладно. Итак, Билл был бухгалтером, и он каждый день сидел в своем офисе...

Опять чаевые.

– Нет! Дракон, ты не можешь заплатить мне, чтобы он сменил работу! Я сказала – бухгалтер, значит, бухгалтер! – она снова захохотала.

Дзынь. Дзынь. Дзынь.

Королева Молли была первой камгерл, которую я увидела. Я никогда еще не встречала человека, который настолько умело вытягивал деньги из других людей.

Тем вечером я поехала домой и просмотрела все шоу Королевы Молли от начала до конца – все пять часов. После принятия ванны Молли направилась в гостиную и принялась

продавать с аукциона портреты знаменитостей, которые старательно рисовала на маркерной доске, установленной за ее спиной.

– Шер за три сотни! У нас есть Шер за три сотни! – напевала она, радостно хлопая в ладоши. Здесь было все то, что мне нравилось в стриптизе, но в большем масштабе. Молли была одета в лифчик и трусы и иногда получала чаевые за то, что на миг сверкала сиськами или стегала себя по заду, но большинство ее зрителей хотели участвовать в том, что она делала. Они хотели, чтобы она хорошо проводила время, и платили ей, чтобы она делала все, что могло продлить ее заразительное хихиканье. Она подмигивала, и улыбалась, и флиртowała, и рисовала, потом послала всем воздушный поцелуй на ночь и завершила трансляцию.

Я закрыла ноутбук и так и сидела, ошарашенная, на полу. На следующий день мы с Алексом улетели в Мексику. Я сидела в кресле первого класса со своим новым *iPad*. «Топ камгерлз», набрала я в поисковике. Стала пролистывать фотографии с высоким разрешением, где девушки позировали со своими наградами *Adult Video Network*, высшим знаком отличия в индустрии развлечений для взрослых. Другие девушки сжимали в кулачках яркие разноцветные леденцы на палочке. Их спальни были завалены секс-игрушками конфетных цветов. Кликнула по одной такой ссылке. Из *iPad* раздался стон. К тому времени как мы приземлились, я позаимствовала у Алекса кредитку и создала два зрительских

аккаунта, один на MyFreeCams.com (сайте, на котором была Королева Молли), а другой на Jasmin.com. Последний производил впечатление высококлассной, гламурной версии первого.

Я быстро нашла Пурпурную Ведьму, рыжеволосую звезду Жасмина. Она, насколько я могла судить, была неоспоримо *лучшей* камгерл во всем мире. Она завоевывала награды, собрала миллионы подписчиков и обладала такой захватывающей харизмой, о какой даже Королеве Молли приходилось только мечтать. Она сидела на красных шелковых простынях в такого же цвета белье, потягивала скотч со льдом и слушала джаз на виниле.

– Ну я прямо даже и не знаю... – Она ухмыльнулась, глядя прямо в камеру. – Наверняка у *кого-то* есть идеи получше, чем просто сидеть вот так?

Она подначивала меня заплатить ей. И, разумеется, я это сделала. Я даже запросила приват-шоу, то есть Алекс платил по шесть баксов в минуту, чтобы я могла пообщаться с ней так, чтобы никто другой этого не видел. Я ощущала странную смесь благоговения и влечения, не зная, что делать с моими драгоценными минутами.

«Ты красивая», – набрала я после неловкой и слишком долгой паузы. А потом смотрела, как ее глаза читали мое сообщение.

Она улыбнулась в камеру.

– Спасибо. Как тебя зовут?

«Белль», – написала я, воспользовавшись придуманным Алексом прозвищем – «И я с Алексом».

– Белль! И Алекс. – Она, казалось, так обрадовалась, что я невольно улыбнулась, хоть она и не могла меня видеть. – Как волнующе! Обожаю играть с парочками!

– О боже мой, Алекс, ОНА РАЗГОВАРИВАЕТ СО МНОЙ! – завопила я на весь гостиничный номер. Алекс взглянул на меня: он отмокал в горячей купели, посасывая сигару.

– Это потрясающе! – согласился он.

– О БОЖЕ МОЙ, ЧТО МНЕ НАПИСАТЬ?!

Алекс пыхнул сигарой и пожал плечами.

– Попроси ее что-нибудь сделать.

«Потанцуешь для меня?» – нервно набрала я.

Когда мое сообщение выскочило на ее экране, она уже развязывала розовую шелковую ленточку, на которой держался ее лифчик.

Я видела, как счетчик отсчитывает по шесть долларов каждую минуту. Я наблюдала, как она напевает без слов и мягко двигается по экрану под сладостные звуки голоса Майлса Дэвиса. Я была заморожена. Она хихикнула и спросила, нравится ли мне джаз. Казалось, я нравлюсь ей. Я чувствовала, что *на самом деле* нравлюсь ей.

– Мне кажется, что она реально крута, – сказала я Алексу тем вечером, когда мы ужинали тако. – Думаю, ей по-настоящему нравится многое из того, что нравится мне. Вот, типа, она постоянно читает. Например, она сказала, что любит

Диккенса, и это просто с ума сойти что такое, потому что я тоже его люблю... – Я откусила еще кусок и торопливо проглотила. – И, о боже мой, как же это круто, что она слушает винил, правда? Она очень обрадовалась, когда я сказала ей, что у меня есть проигрыватель. И сказала, что пришлет мне список своих любимых альбомов!

– Ты ведь понимаешь, что платишь ей за симпатию к тебе, да? – намекнул Алекс.

Я кивнула, засовывая в рот еще кусок.

– Ну, – поправила его я, – на самом-то деле ей платишь ты.

Потом я плавала в нашем личном бассейне, попивая чай и жуя десерты, которые Алекс заказал в номер. Конечно, это мило, думала я. Но недостаточно. Роли «сладкой детки» никогда не было достаточно, и моя неспособность вычерпать до дна Алексовы кредитки делала меня прискорбно унылой «сладкой деткой». Я хотела запустить зубы в *профессию*.

Мне нужна была *идентичность*.

Я приняла решение. Когда мы вернемся, начну все заново. Всем существом брошусь в свое новое призвание, в свою новую страсть. Заставлю свои навыки соблазнения работать, как никогда прежде.

Я собиралась стать камгерл.

Глава 5. Скажи мое имя¹⁶

Я часами просиживала в Интернете, смотря разных камгерлз. Смотрела их на своем телефоне, стоя в очереди в «Старбаксе». Смотрела девушек, которые работали исключительно пантомимой, девушек, которые делали шоу только с другими девушками, и тех, кто мягко покачивался в свете свечей под пост-рок, сексуально отбрасывая назад волосы. Была даже девушка, которая трахала кукол чревовещателей. Я часами сидела на постели, сгорбившись над ноутбуком. Я заходила на alexa.com¹⁷ и набирала в поисковой строке десятки разных вебкам-сайтов.

Chaturbate.com: 2, 141, 000 посетителей ежедневно.

Jasmin: 61, 396.

Myfreecams: 478, 000.

Я изучала страны, в которых жили их зрители: Дания, Россия, США, Австралия.

В какой стране зрители платят охотнее всего? Я изучала культуру чаевых в Японии.

Chaturbate был весь облеплен объявлениями. *Горячие одинокие «мамочки» хотят тебя ПРЯМО СЕЙЧАС! Трахни своего любимого эльфа: войди, если хватит смелости.*

¹⁶ *Say My Name* – песня американской R&B-группы Destiny's Child.

¹⁷ Компания, собирающая статистику о посещаемости интернет-сайтов.

Myfreecams.com напоминал сайт *GeoCities* года этак 2001, ярко-зеленый и захламленный анимациями и разноцветными гифками. Интерфейс *Jasmin* был элегантным, современным, с темно-красным фоном и белым текстом. Я полезла искать значения цветов. Красный – дерзкий, юношеский, возбуждающий. Не чуждый воображения.

Я засела в чат-руме Пурпурной Ведьмы на «Жасмине» и в течение четырех часов эфира записывала все чаевые. Я вела хронометраж ее приват-шоу, глядя, как она исчезает за занавесом, поднятие которого стоило 6 долларов в минуту. **На большинстве сайтов девушки раздевались и трогали себя в общем чате, который можно было смотреть бесплатно, просто кликнув по кнопке «да, мне есть 18», но на «Жасмине» девушки обнажались только в том случае, если им платили поминутно.**

Однажды утром я прокручивала чат-румы коллег Пурпурной Ведьмы, выбирая самых красивых девушек со статусом «сейчас онлайн» с экрана, на котором был выложен большой коллаж камгерлз, одетых только в белье. Кликнула рум *Lyla4u*. Посреди экрана выскочила видеотрансляция. Лила была бледной и высокой девицей с блондинистыми волосами до талии. На ней было серебристое боди, она танцевала перед большим зеркалом в золотой раме, в основном игнорируя чат, расположенный справа от видео. В чат зрители выкладывали свои вопросы, комплименты и просьбы.

– Вы должны заказать приват, чтобы поговорить со

мно́й, – дразнила она всех вместе и никого в частности. Под видеотрансляцией была подборка ее фотографий, а рядом большая кнопка «купить!».

SkylerStorm. Sexydreams. CandyOcane. LittleMilf. Amberxoho.

Я смотрела, как в их чат-румах мелькают сообщения: «ты такая красивая», «ты идеальна», «пожалуйста, поговори со мно́й», «ты мне нужна». Я представляла себе их зрителей – сотни мужчин, приклеившихся к экранам, боготворящих каждое их движение. Меня пробрала дрожь. Я захлопнула ноутбук и легла спиной на постель. Эти женщины были королевами соблазнения.

Мне понадобится ник. Я хотела что-то похожее на свое настоящее имя или как минимум что-то такое, к чему у меня будет эмоциональная привязка. Мне неинтересно было создавать себе альтер-эго. Я хотела создать себя, только... круче.

Я погуглила Сашу Грей, поискала в Википедии ее настоящее имя. Марина Энн Хантзис. Никакой связи. Попробовала найти Стою, порнозвезду, о которой соловьем разливалась накануне Королева Молли. На самом деле ее звали Джессика Стоядинович. Это было логично. Ее порнопсевдоним был частью настоящей фамилии. Она была с ним связана. Я начала мозговой штурм, криво выдрав для этой цели страницу из ежедневника.

Изабелла Анна Маццеи, написала я большими буквами.

Производные: Белла? Слишком распространенное. К тому же не дай бог меня станут сравнивать с той девицей из «Сумерек»!»! Анна? Скучно. Консервативно. Что-то остренькое? Мазз? Маззи? Неплохая идея, типа «Маззи Стар»¹⁸. Я попробовала вслух:

– Привет, парни! Я Маззи!

– О, благодарю! Меня зовут Маззи.

Нет. Слишком... слишком напоминает мультик.

Маззи была той девчонкой на рейве с рюкзачком-пандой и в кислотно-зеленых сапогах.

Мои инициалы – *I. A. M.*, «я есть», и мать всегда говорила мне, что выбрала их намеренно, по ассоциации с библейским стихом «я есмь Сущий». Я покрутила сайт детских имен *babynamewizard.com*, игнорируя рекламу помолвочных колец, явно озабоченную моим статусом матери-одиночки. А потом нашла его. Уна. Единственная. У него было то же фаталистическое качество, что и у «я есмь». Альтернативные написания: Она, Уна, *TheOnlyUna*.

Единственная.

На следующий день я сидела в педикюрном кресле рядом с Алексом и перебирала заметки, которые накопила в своей сверкающей розовой папке-скоросшивателе.

– Я буду привлекать *всех* мужчин, – объяснила я. – Не знаю, насколько стоит делать уклон в сторону образованности.

¹⁸ *Mazzy Star* – американская дрим-поп группа.

– А почему нет? Все мужчины любят умненьких девушек. – Алекс нажал на кнопку, и его массажное кресло начало вибрировать. – Зато слишком мало мужчин, которые знают, как важен педикюр. Тебе непременно нужно просвещать массы, когда начнешь работать.

Я проигнорировала его слова и перелистнула страницу в папке.

– Важен даже выбор лака для ногтей. Посмотри, например... – я пробежалась глазами по списку. – Большинство девушек на «Жасмине» делают французский маникюр или покрывают ногти нюдовым лаком. Я не видела там ни одной девушки с ненакрашенными ногтями.

– Логично. Они же утонченные.

Я стала зачитывать свой список качеств лучших камгерлз.

– Лучшим девушкам обычно от двадцати до тридцати лет. Всегда стройные. В основном умные, но никогда не говорят о своем образовании. – Я выразительно посмотрела на Алекса. – У всех длинные волосы, что, очевидно, является проблемой.

У меня на голове по-прежнему оставалась прошлогодняя стрижка-пикси, и сейчас она была как раз в той неуклюжей полуотросшей фазе, когда я выглядела красиво, только укротив ее заколками и муссом для укладки.

– Мне нравятся твои волосы. – Алекс снова перенастроил свое массажное кресло. – Да и в любом случае кому какая разница, что делают лучшие девушки? Ты прокладываешь

свою собственную тропу. Делай по-своему.

– Мне разница есть, потому что то, что они делают, явно *дает результат*. Ах да, это подводит нас к следующему пункту. Все они... – я бросила взгляд вниз, на двух женщин, занятых нашим педикюром. Наклонилась поближе к Алексу и прошептала: – ...бритые, – и указала для большей ясности на свой лобок.

– Как я уже сказал, мне *нравятся* твои волосы. – Алекс подмигнул. Я закатила глаза.

Итак, я была худой, и мне было чуть больше двадцати лет: раз галочка, два галочка. Еще у каждой из этих девушек присутствовала слабость к тому, что я в своей сводной таблице назвала «ассоциативными средствами». Это означало, что хоть они и были на полных двадцать-тридцать лет моложе своего среднестатистического поклонника, каждая из топовых девушек имела склонность к музыке (кино, телепрограммам...) поколения своих фанатов. Более того, я смотрела видеочат одной девушки, которая даже не раздевалась; вместо стриптиза она просто сидела, разговаривала со зрителями и включала классический рок. К счастью, я любила музыку восьмидесятых. Галочка.

Было у топовых девушек и несколько более широких общих качеств. Например, у каждой была своя изюминка. Одна отлично играла в видеоигры и стримила процесс на *YouTube* и *Twitch*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.